

Солнечный круг

Автор:

Марина Дяченко

Солнечный круг

Марина и Сергей Дяченко

«Солнечный круг» – уникальный по замыслу сборник Марины и Сергея Дяченко. Он посвящен памяти Бориса Натановича Стругацкого. В сборник вошли как повести и рассказы, получившие личную премию Стругацкого «Бронзовая улитка», так и две новые повести, «Времена года» и «Солнечный круг», написанные по заветам «реалистической фантастики» братьев Стругацких.

Марина и Сергей Дяченко

Солнечный круг

© Дяченко М., Дяченко С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Предисловие

«Там ничего нет, кроме любви,

только свет,

который тебя обнимает...»

(из повести «Солнечный круг»)

Мы выросли на книгах Аркадия и Бориса Стругацких, как и многие наши друзья, как целые поколения читателей. К сожалению, с Аркадием Натановичем мы не успели познакомиться, но встречи и творческая дружба с Борисом Натановичем Стругацким оставили в нашей жизни неизгладимый и замечательный след. Мы встречались редко, никогда не были участниками его знаменитого Семинара, но с первой же личной встречи подпали под его обаяние, а он, как теперь хочется верить, тоже испытывал к нам и нашим текстам некоторую симпатию.

Непререкаемый авторитет, мудрый и принципиальный, он никогда не впадал в гордыню, не поучал, а всегда умел слушать, слышать, поддерживать. В фантастических текстах он ценил не то, что сейчас называется спецэффектами, а Достоверность, «сцепление с реальностью». Правду характеров, правду жизни, прежде всего нашей, зачастую горькой и трагичной, но со светом в конце туннеля.

Надо ли говорить, как важна была для нас его оценка? Просто осознание того факта, что Стругацкий прочитает наши тексты, в свое время нас ошеломило – как полет на Марс, как небывалый подарок. Надо ли говорить, насколько ценной для нас была премия «Бронзовая улитка», которую Борис Натанович единолично присуждал, а потом вручал со сцены на конвенте фантастов «Интерпресскон» под Петербургом?

«Бронзовая улитка» присуждалась с 1992 по 2012 год – год, когда не стало Бориса Натановича. Маленькая улитка, ползущая по вертикальному склону, – образ из эпиграфа к роману братьев Стругацких «Улитка на склоне»:

«Тихо, тихо ползи,

Улитка, по склону Фудзи,

Вверх, до самых высот!»

Эта бронзовая статуэтка была для нас дороже «Оскара». Всего БНС присуждал нам «Улитку» пять раз: за романы «Армагед-дом», «Долина совести», повесть «Последний Дон Кихот», рассказы «Баскетбол» и «Император». К последнему рассказу мы написали продолжение – «Визит к императору». Рассказ был опубликован летом 2012 года, когда Борис Натанович уже тяжело болел, и вскоре его не стало.

В этот сборник мы включили повести и рассказы, которые отметил Борис Натанович, и две новые повести, прежде нигде не опубликованные: «Времена года» и «Солнечный круг». Что объединяет эти тексты? Возможно, традиции «реалистической фантастики», которые отстаивал БНС.

Спасибо Борису Натановичу. Мы всегда будем помнить тот солнечный свет, который даже в хмурые питерские дни он нес с собой.

Времена года

Пароход должен был причалить в шесть утра – в час Петуха. Задержавшись в трех портах, пропахший дымом, копотью, гнилыми фруктами, дорогими духами, табаком и несвежей рыбой, он привалился к причальным мешкам в порту Каменного Леса в пять часов пополудни. В Час Свиньи.

Ирис мечтала пройти по легендарному городу на рассвете, по белым узким улицам среди мрамора и бирюзы, касаясь еще холодных, но уже освещенных камней, глядя на пролив и на море... Но духота и качка. И опоздание на одиннадцать часов. Спускаясь по трапу, она едва переставляла ноги.

– Госпожа Айрис!

Она вздрогнула, хотя голос был дружелюбный и даже вкрадчивый. Аккуратный улыбчивый толстяк протянул ей руку в тонкой перчатке:

– Добро пожаловать! Я Алекс, с этой минуты ваш слуга и помощник. Где ваш багаж? Сосчитайте, проверьте, в такой-то суете легко забыть, проворонить,

потерять...

Он подхватил тяжелую сумку, в которой лежали ракушки, а футляр со свирелью она не отдала – не хотела выпускать из рук. Ее чемоданы уже стояли у грузового трапа. Ирис казалось, что причал под ногами раскачивается.

– Это ваши чемоданы? – Едва дождавшись ответа, Алекс махнул рукой носильщику. – Пройдемте, госпожа Айрис, все готово, мы вас очень ждали!

Бывшие спутники-пассажиры с багажом, детьми и усталостью стояли длинной очередью к чиновнику, проверяющему документы, шлепающему печати медленно, медленно. Ирис замешкалась, но Алекс подхватил ее под руку и повлек вперед:

– Нет, госпожа Айрис, вы не должны проходить общий контроль. Вы прибыли по личному приглашению лорда-регента, прошу вас...

Перед ними расступилась портовая стража, Ирис не успела и слова сказать.

– Я так мечтал показать вам город сразу по прибытии, – тархтел на ходу Алекс. – Возрожденная имперская столица, я клянусь, она покорит ваше сердце! К сожалению, сегодня нет времени для экскурсий... А вот и наш экипаж! Эй, живо грузите чемоданы!

Несколько секунд – Ирис обнаружила себя в глубине прохладного и просторного экипажа. Алекс уселся напротив, улыбаясь и ворча одновременно:

– Пароход опоздал на одиннадцать часов, это безобразие! Капитана ждет разбирательство, возможно, это и вовсе был его последний рейс! Вы устали...

– Капитан не виноват, – сказала Ирис. – Нас задерживали при входе в порты.

– Ах, разумеется, пароходы, приписанные к Каменному Лесу, вечно раздражают континентальных крыс. – Алекс улыбнулся шире. – На континенте предпочли бы, чтобы империя рухнула, а мы одичали. Они хотели бы, чтобы на месте нашей столицы осталась груда камней, а между тем... Посмотрите!

Он отдернул штору. Экипаж ехал по узкой улице, как по дну ущелья. Дома из резного камня доставали до неба, белые, палевые, зелено-бежевые. Пахло морем и лесом. Стволы огромных сосен выступали прямо из камня, палисадники зеленели на балконах и галереях, ручьи текли по мраморным и медным желобам.

Ирис на секунду забыла, что у нее болит голова.

– Этому городу тысячи лет! – торжественно провозгласил Алекс. – И он простоит еще столько же! Никакой бунт, никакая война не помешает нашему процветанию. Темные годы закончились. Империя возрождается, единая и могучая, как никогда!

Экипаж свернул на другую улицу, пошире, торговую. За стеклом витрин блестели драгоценные камни. На гранях дробился свет. Ярчайшие искры заставили Ирис прищуриться.

– Легендарный ювелирный квартал, – вдохновенно продолжал Алекс. – Смотрите и расскажите потом на континенте. Камень, обработанный нашими мастерами, не спутать ни с каким другим. Единственный взгляд, и вы скажете: да, это бриллианты из Каменного Леса... Какие украшения вы предпочитаете?

– Я не ношу украшений.

– Ох нет, – он испуганно замахал руками. – Вы просто не примеряли настоящих камушков. Один взгляд, и вы не захотите отсюда уходить, я обещаю!

Экипаж снова свернул. Стук колес изменился, сделался тише на широкой площади с помостом. Мимо окна проплыл закопченный медный котел высотой в человеческий рост. Алекс с улыбкой задернул штору.

– Здесь уже пыльно, – сказал, извиняясь. – На площади правосудия в будние дни торгуют рыбой – рынок для бедняков. Но даже бедняки в Каменном Лесу... Что с вами?

– Это и есть котел для казней?

Она закашлялась, пытаясь прочистить горло. Алекс вскинул руки, будто отгораживаясь от ее слов:

– Всего лишь традиция! Эта штука просто здесь стоит, ее давно не применяют! Но даже в самые темные времена, знаете ли, только самое страшное преступление... государственная измена, покушение на жизнь императора... Ох, что же я, я же должен был вам передать...

Он выудил из кармана и протянул ей белый конверт с золотым тиснением. Ирис несколько секунд смотрела на конверт, пытаясь понять, что с ним делать, пока Алекс не помог ей и не сломал печать. Внутри было приглашение, выписанное идеальным писарским почерком: госпожу Ирис Май желали видеть на приеме лорда-регента в его личной резиденции, сегодня в семь вечера. Час Кота.

– Сейчас мы поселим вас в апартаменты – прямо во дворце, с видом на море, – тархтел Алекс. – У вас будет полчаса, чтобы привести себя в порядок после дороги... Пожалуйста, обратите внимание: на приемах лорда-регента всегда бывает тепло, даже жарко. Одевайтесь легко, как на прогулку в летний полдень. Допускаются открытые плечи. Еще одна просьба – не используйте парфюм. На приемах это не принято.

Ирис коснулась ладонью виска:

– Господин... Алекс. По правде сказать, я чувствую себя разбитой и совершенно больной.

– Вам не придется выступать, это не концерт! Это прием! Вы будете отдыхать, развлекаться и...

– И мечтаю только о постели. Может быть, лорд-регент примет мои извинения...

Она замолчала, увидев, как неуловимо изменилось лицо ее провожатого.

– Госпожа Айрис, – сказал он мягко. – Это Каменный Лес. От приглашений лорда-регента не отказываются. Если вы больны, я пришлю врача. Но ровно к половине седьмого вы должны быть готовы, я приду за вами и лично сопровожу в резиденцию.

За окном плыла навстречу новая улица – каменные фасады из белого и красного мрамора, деревья и цветы, трескучие водопады, ручьи, бегущие по каменным руслам. «Это Каменный Лес, – отстраненно подумала Ирис. – Как же ты была права, сестренка, когда отговаривала меня от этой поездки».

* * *

Два дня назад, во время последней стоянки, она разминала ноги, прохаживаясь вдоль палубы, ожидая, пока пароход наконец-то отчалит. Неприметный молодой человек в одежде портового служащего появился, кажется, ниоткуда:

– Вам письмо, госпожа Ирис...

Она не ждала писем, и тем более на борту парохода. Она поразилась, откуда служащему известно ее имя, но самонадеянно решила, что это слава. Развернув листок, она узнала почерк Лоры.

«У нас все хорошо, – писала сестра. – Мы переехали. Человек, который передаст тебе письмо, желает нам добра. Мы с детьми любим тебя, Ирис».

– Что это значит? – спросила она у посыльного. – Что такое – «переехали»? Куда?!

– В безопасное место, – ответил он почти весело. – То есть оно останется безопасным, если вы, госпожа Ирис, будете пайнкой и обстригаете кое-какое простое дело в Каменном Лесу. А какое – вам сообщат по прибытии.

Пароход отшвартовался. Работали машины, пахло дымом и рыбой. Между бортом и причалом расширилась полоска воды.

– Кто вы такой?!

Парень вырвал у нее из рук письмо, перемахнул через борт и спрыгнул на причальную тумбу. Помахал Ирис рукой:

– Не вздумайте бежать, не выполнив поручения! Вы ведь любите свою сестру и племянников, верно?

Ирис захотелось прыгнуть за ним, соскочить с корабля, увозящего ее в страну, где за измену варят в котлах. Но пароход уже далеко отошел от причала.

* * *

В апартаментах ее ждала готовая теплая ванна. Из окна открывался вид на балюстраду, за которой лежало море, подсвеченное низким солнцем.

Доктор оказался немногословным и не назойливым. Таблетка, которую Ирис сперва не хотела у него брать, подействовала почти мгновенно, и головная боль отступила. Стоя у окна, вдыхая теплый ветер, Ирис почувствовала себя гораздо лучше. «Возможно, – думала она, – те люди – обыкновенные контрабандисты. Возможно, они поймут, что я не могу быть им полезна. Да и что такого ужасного они мне могут поручить?»

В дверь постучали ровно в половине седьмого. Солнце уже висело над самым горизонтом, а Ирис закладывала последнюю шпильку в волосы.

По-прежнему улыбаясь, Алекс оглядел ее с головы до ног и остался доволен.

– Вы прекрасно выглядите. Вас ожидает чудесный вечер – легкие закуски, напитки, общение с приятными людьми...

Он провел ее по коридору к двери, у которой высились стражники в темных мундирах, с пиками в руках. Ирис внутренне подобралась; Алекс, не обращая на стражников внимания, отпер дверь и вывел ее на балкон.

Солнце коснулось горизонта. Алекс дернул шелковый шнур, балкон качнулся и плавно пошел вверх. Ирис непроизвольно ухватилась за бортик.

– Этот замок полон чудес и секретов, – с самодовольной улыбкой сказал Алекс. – Вам понравится здесь, госпожа Айрис. Ничего не бойтесь, ведите себя так, как привыкли. Будьте собой.

* * *

– Госпожа Айрис Май! – объявил церемониймейстер.

Все головы повернулись к ней; в просторном зале горели каминны, хотя снаружи было совсем тепло. Блестели глаза, блестели драгоценные камни в мочках ушей и на алебастровых шеях; мужчины и женщины, одетые со сдержанной роскошью, смотрели на Ирис с интересом: они знали, кто она такая.

Что, если один из них сейчас передаст ей послание?!

– Добро пожаловать, госпожа Айрис, – пожилая дама протянула ей мягкую руку. – Добро пожаловать в Каменный Лес.

У нее были неожиданно сильные холодные пальцы. В волосах сверкали бриллианты.

– Ваш визит – высокая честь. – Плечистый мужчина в военном мундире дождался, пока Ирис подаст руку сама. – Чувствуйте себя как дома! Лорд-регент прибудет с минуты на минуту.

Они называли свои имена, она кивала, пожимала руки и тут же забывала, как кого зовут. Они вскользь упоминали свое положение – члены правительства Каменного Леса, государственные советники, чиновники из городской управы, аристократы; в углу пил вино капитан парохода, на котором приехала Ирис.

Она не поверила своим глазам. Капитан держался особняком, был подавлен, по лицу градом катился пот. Может, именно он должен «сообщить по прибытии», чего хотят от нее шантажисты?

Ирис шагнула вперед, наткнулась на его взгляд и попятилась. Нет, он не искал с ней встречи. Он за что-то ненавидел ее. Ирис вспомнила слова Алекса: «Капитана ждет разбирательство» – из-за того, что Ирис Май прибыла с опозданием...

Слуга поднес бокал. Ирис покачала головой. Огляделась в поисках простой воды; гости негромко разговаривали, разбившись на небольшие группы, кажется,

потеряв к ней интерес. В их улыбках Ирис видела теперь принужденность, даже нервозность; или ей так казалось, потому что сама она волновалась все больше?

– Вы устали с дороги, – сказала высокая женщина лет сорока, с волосами цвета слоновой кости, гладкими и тщательно уложенными. Несколько минут назад она назвала Ирис свое имя.

– Но пароход опоздал не по вине капитана, – сказала Ирис первое, что пришло ей в голову.

– Возможно, – женщина кивнула. – Вы забыли, как меня зовут? Тереза, член императорского совета. Понимаю, вам сейчас не по себе. Не надо ничего бояться. Все мы знаем, что рассказывают на континенте про Каменный Лес...

Она чуть сдвинула брови, ее лицо стало жестким:

– Когда мы задыхались в кровавой каше... и просили о помощи, на континенте сделали вид, что оглохли и ослепли. Мало того – они тайно поддерживали заговорщиков! Бунт готовился задолго, с первого дня болезни старого императора. Когда началась резня на улицах, принц Мило решил на переговоры с бунтовщиками... на переговоры! Мы предпочитаем называть это «ошибкой» – из уважения к погибшему, хотя это было, конечно, предательство. И вот, когда казалось, что все кончено, все рушится, на улицах трупы, на площади казни... Бунтовщики первыми запустили котел и начали варить в нем несогласных. Впервые за две сотни лет! И знаете, что мы смогли противопоставить варварству и насилию?

– Э-э... справедливость?

– Еще большее насилие, – отозвалась она с мягкой улыбкой. – Почему лорд-регента считают чудовищем? Потому что он чудовище. Он стал таким, спасая империю. Спасая нынешнего императора, Ференца. Единственный человек смог обезуметь настолько, чтобы остановить безумие, и это был...

– Лорд-регент! – провозгласил от двери церемониймейстер.

Стихли все разговоры. Открылись створки двери – на галерее, на втором этаже. Вошел человек в черном свободном костюме, с широкой повязкой на лице, полностью закрывающей глаза.

Тереза, а с ней все в зале склонились в поклоне. Ирис, не привыкшая кланяться, просто опустила голову.

– Добрый вечер, господа, – сказал человек на галерее. – Сегодня мы встречаем дорогую гостью, Ирис Май. Я надеюсь, вы уже успели познакомиться.

Он единственный произнес ее имя так, как оно звучало на континенте, а не так, как жителям Каменного Леса было удобно его произносить.

Он двинулся вниз по крутым ступенькам. Ирис показалось, что сейчас он непременно оступится и упадет, но он шагал легко, как зрячий. Гости выстроились неровной шеренгой, лорд-регент шел мимо этого импровизированного строя, пожимая каждому руку, вполголоса говоря несколько слов, выслушивая приветствие. Повязка закрывала его лоб, глаза и скулы. Все держались так, будто дело было в порядке вещей.

Ирис поискала глазами Терезу – и увидела ее среди прочих. Лорд-регент как раз подошел к ней, и Тереза по-приятельски протянула руку. Он о чем-то спросил, и Ирис моментально поняла, что речь идет о ней. Тереза улыбнулась и ответила:

– Ты был прав, Эрно.

Лорд-регент повернул голову. Ирис почувствовала, что ее разглядывают. Чем он смотрит, подумала она, чувствуя, как начинает пульсировать в виске новая боль.

Теперь он шел прямо к ней – через зал, мимо почтительно расступившихся гостей.

– С прибытием, – он протянул руку без перчатки. Ирис ничего не оставалось сделать, как коснуться его ладони, сухой и прохладной.

– Чего вы боитесь? – спросил он в следующую секунду, не выпуская ее руки.

– Прекрасный город, – невпопад ответила Ирис. – Благодарю... Нет, я ничего не боюсь, меня прекрасно встретили...

Уголки его губ опустились книзу:

– У вас болит голова? Пригласить доктора?

– Доктор... уже... дал мне лекарство. – Ирис захотелось выдернуть ладонь, она с трудом удержалась.

– Вы устали, – сказал он медленно. – И вас что-то беспокоит. Надеюсь, это не я вас напугал?

– Все непривычно. – Ирис нервно засмеялась. – Мне приходилось бывать... на приемах, но никогда – в императорском дворце. Простите мое волнение.

Он выпустил ее руку:

– Отдыхайте.

Ирис вдруг заторопилась:

– Я хотела еще сказать...

Уже отходя, он обернулся:

– Да?

– Капитан не виноват в том, что судно опоздало, – твердо сказала Ирис.

– Спасибо, – отозвался он после паузы.

Натянуто улыбаясь, Ирис смотрела, как регент идет к капитану в углу и, не протянув руки, о чем-то спрашивает. Капитан длинно отвечает, и пот блестит у него на лбу. Пауза; регент кивает, что-то говорит и отходит; капитан стоит, ошаренный, и на лице у него написано колоссальное облегчение; он хватается

бокал с подноса пробегающего слуги и выпивает залпом, утирает пот...

- На приемах бывают разные люди, - сказала Тереза, неожиданно оказавшаяся рядом.

- Это я сказала лорду-регенту, что капитан не виноват. - Ирис улыбнулась шире, чувствуя, как натягивается кожа на обветренных губах. - И он мне поверил.

- Вы благородный человек. - Тереза пригубила от своего бокала. - Но лорд-регент никому не верит, он все проверяет сам... Кстати, никогда не пытайтесь ему врать, может выйти неловко.

Регент стоял теперь в толпе гостей, разговаривал, улыбался - не снимая повязки.

- Он способен почуять измену до того, как она созреет и принесет ядовитые плоды, - негромко сказала Тереза. - Поэтому регулярные приемы, поэтому на них приглашают разных людей, влиятельных и не очень, поэтому так жарко... Регент подозревает всех, каждую секунду ждет предательства, и небезосновательно. В прошлом месяце казнили трех шпионов...

- Их сварили на площади?!

- Не считайте нас варварами, - Тереза поморщилась. - С тех самых пор, как был подавлен бунт, котел стоит пустой и холодный. Как по мне, достаточно было выслать этих людей, но... Лорда-регента уже не переделать. Какое время, такой правитель.

Она сделала паузу, оценила лицо Ирис и заговорила в другом тоне:

- Но времена меняются! Император - чудесный ребенок, вы увидите, рассудительный, ответственный не по годам. Через пять лет мы получим на троне идеального государя, мудрого и доброго... Почему же вы ничего не едите? Роскошные фрукты, тончайший сыр, вино очень легкое, попробуйте.

Ирис покачала головой, надеясь, что ее лихорадочный румянец спишет на жару.

Будто почувствовав ее взгляд, регент повернул голову. Зашагал через весь зал, на ходу взял бокал у слуги с подноса. Подошел к Ирис и Терезе, пригубил шампанского и снял повязку. У него были серые глаза, из тех, что меняют цвет в зависимости от освещения. И, конечно же, он не был слеп.

– Госпожа Ирис. – Он спрятал повязку во внутренний карман свободного пиджака. – Вы не хотели бы выйти на балкон, подышать свежим воздухом, полюбоваться ночным городом?

* * *

На балкон вели двери прямо из зала приемов, и оттуда в самом деле открывался прекрасный вид на огни города, но дул такой пронизывающий ветер, что Ирис сразу окоченела. И это было кстати: не пришлось объяснять, отчего она так дрожит и стучит зубами.

Лорд-регент предложил ей руку, и она не смогла отказаться. Опираясь одеревеневшей ладонью на его локоть, проследовала вниз по лестнице во внутренний двор, где от ветра заслоняли стены. Здесь было тепло и тихо, в полутьме еле слышно шелестела вода.

– Спасибо, что вы согласились приехать. Император влюблен в вашу музыку. Уроки свирели – то, о чем он давно мечтает, тем более от вас, ведь вы его кумир... Он страшно одинок в свои двенадцать лет, он обречен на власть – и одиночество. Вы все еще дрожите?

– Я почти согрелась.

– Вы колебались, получив приглашение. Вас наверняка отговаривали от поездки. Что помогло вам решиться?

– Я...

Она поняла, что не знает, что сказать. Мечтала увидеть Каменный Лес? Слабый ответ, мотивация зеваки, он может даже оскорбиться. Мечтала учить императора музыке? Слащавый и неискренний ответ. Хотела потешить свое тщеславие? Единственный правдивый ответ, но произносить его вслух –

безумие.

– Мне лестно, когда людям интересна моя музыка. Интерес молодого императора... подкупил меня.

Он посмотрел на нее с уважением:

– Вы умеете быть честной, я очень это ценю.

Аккуратно вынул повязку из внутреннего кармана, завязал себе глаза, повернул к Ирис слепое лицо:

– Еще раз: что вас тревожит? Чего вы боитесь... за кого вы боитесь?

– Я... нет. Я просто...

Через мгновение Ирис швырнули на пол – на гладкий полированный камень, резко, грубо, она сдавленно охнула, замерла, скорчившись, инстинктивно прикрывая голову. Ее дернули вверх, как ватную куклу, в следующую секунду она обнаружила себя в нише стены, за колючим стволом приземистой пальмы.

– Все хорошо, – прошептал лорд-регент ей на ухо. – Это покушение. Не двигайтесь.

Из деревянной резной балки торчала стрела с цыплячье-желтым оперением.

* * *

Прием продолжался, хотя людей стало в половину меньше. Официанты все так же разносили напитки и закуски. Капитан корабля, на котором прибыла Ирис, был счастлив и пьян до такой степени, что не мог встать с бархатной скамейки у стены.

Тереза встретила Ирис цепким взглядом:

– На вас лица нет. Вы меня пугаете... Что случилось?!

Из боковой двери вынырнул Алекс:

– Госпожа Тереза, лорд-регент просит вас подняться к нему в кабинет прямо сейчас... Госпожа Айрис, я немедленно провожу вас в ваши апартаменты.

* * *

В комнате Ирис обнаружила, что футляр со свирелью пропал.

Она заметалась. Облилась холодным потом. Вызвала горничную. Та показала ей футляр – в шкафу на полке, на почетном месте; горничная решила навести порядок, пока Ирис была на приеме.

Ирис накричала на нее – недостойно, грубо, визгливо. Горничная покраснела и ушла. Ирис убедилась, что свирель совершенно цела и ракушки с записями тоже на месте. Надо было вернуть горничную и извиниться, вместо этого Ирис села на край кровати и опустила руки.

Еще секунда, и покушение обернулось бы убийством при единственном свидетеле. Тот, что стрелял в лорда-регента – как он связан с людьми, которые держат в заложниках Лору с мальчишками?

Или он стрелял вовсе не в лорда-регента?!

Мысли становились абсурднее с каждой секундой, лучшим выходом было – перестать думать вообще. Ирис обняла футляр со свирелью и застыла, скорчившись, на постели.

* * *

В дверь загрохотали кулаками в два часа ночи – час Нетопыря. Хозяин, сдававший Ольвину комнату, выскочил в одной рубашке, заранее до смерти напуганный: он пережил бунт здесь, в городе, и такой вот стук в дверь означал для него слишком многое.

На пороге стояли стражники в черных мундирах дворцовой охраны. Хозяин медленно сполз по стене: множество раз он видел это в ночных кошмарах.

- Мастер Ольвин здесь живет?

Ольвин маячил на лестнице этажом выше. Хозяин, не в силах издать ни звука, поднял руку и ткнул пальцем: сдал, не сопротивляясь. Стражник поглядел на Ольвина снизу вверх: они были ровесниками. Оба провинциалы. Стражник еще не знал, как тащить человека в котел, Ольвин понятия не имел, что означает стук среди ночи.

- Поедете с нами, - сказал стражник. - Со всеми своими штучками... с этими... с вещами!

- В чем его обвиняют?! - сдавленно пискнул хозяин. Не рассчитывая на ответ, так, по доброте душевной. Он по-своему любил постояльца и заботился о нем, как о родном сыне.

* * *

- Это ты, значит, фаршируешь ракушки музыкой, как пироги сыром?

- Да, - сказал Ольвин.

Четыре месяца назад его уже вызывали во дворец, правда, не посреди ночи. Не этот офицер, а другой, но в такой же тесной канцелярской комнате, требовал от него «тайны» - как помещать музыку внутрь пустых раковин. Ольвин честно все показал и рассказал. Тот офицер ничего не понял, и немудрено: ремеслу обучаются годами, если есть талант. Офицер пригрозил тюрьмой, конфисковал резонатор - стоимостью как улица в провинции Рыжие Холмы и редкостью как огромный алмаз. Конфисковал растворы, поющую соль, ракушки, серебряный камертон. Почти месяц Ольвин жил впроголодь, таская на рынке мешки с рыбой. Потом ему неожиданно вернули всё в целостности и сохранности, а за две ракушки предложили деньги, хорошую цену. Ракушки были - коллекционные записи Ирис Май, «Времена года». Ольвин не хотел бы их продавать, но, учитывая обстоятельства, спорить было не о чем.

И вот теперь перед ним стоял другой офицер, то и дело вытирая бледный потный лоб.

- Ты можешь вложить туда любые звуки? Крики чаек? Лай собак?

- Да.

- Человеческую речь?

- Да. - Ольвин удивился, зачем бы так бездарно использовать такую красивую и сложную оболочку. Слова, в отличие от музыки, легко записать на бумаге.

- Тогда быстро, быстро... готовь свои площадки!

Ольвин не стал спорить. Разбуди его посреди ночи, как, собственно, и случилось, - он всегда готов приготовить раствор, установить резонатор, треногу, горелку...

- Ты поясняй, что делаешь! Умное-то лицо не строй, провести меня не удастся!

Большая неприятность во дворце, подумал Ольвин, этот человек напуган и зол. Хорошо бы все кончилось, как в прошлый раз, хоть бы мне позволили уйти подобру-поздорову.

- Вот сосуд идеальной формы, я называю его резонатор, стенки устроены так, чтобы ловить звук и передавать колебания раствору поющей соли. Вот зародыш кристалла, пока он растет - звук сохраняется в его гранях. Теперь я разогреваю раствор и добавляю соли: чтобы кристалл рос, насыщенный раствор должен остывать. Помещаю разогретый раствор в сосуд, осторожно... а внутрь, на тонкой нитке, помещаю зародыш. Что вы хотите, чтобы я записал?

- Речь. Я буду говорить, а ты...

Ольвин кивнул:

- Все готово. Раз, два...

– Не командуй! – в отчаянии гаркнул офицер. – Здесь я считаю! Раз, два, начали!

Ольвин звякнул камертоном, в канцелярском помещении поплыл серебряный звон. Офицер разинул рот. По его глазам было ясно, что бедняге на ум не приходит ни единого слова, ни строчки, ни мысли.

– Да славится в веках Каменный Лес! – рявкнул офицер. – Да светит солнце над десятью провинциями и столицей! Да пребудет император на троне, как солнце в чистом небе, да не закроют тучи гнева светлый лик его! Да сгинут проклятые бунтовщики, чьи имена забыты, а деяния прокляты!

Его голос гулко звучал в полупустой канцелярской комнате. Поверхность соляного раствора в резонаторе едва заметно вибрировала. Там, внутри, рос кристалл поющей соли, его тончайшие грани повторяли и записывали хриплый ор, исступленные заклинания, проклятия и славословия, не имеющие силы. Великое чудо – записывать звук, думал Ольвин с горечью.

Офицер выдохся. Махнул рукой – все, мол. Ольвин звякнул камертоном, завершая запись. Потом вытащил нить из раствора – кристалл получился совсем маленьким.

– Это можно слушать?!

– Нет, – сказал Ольвин. – Пока еще нет.

Подходящих раковин осталось всего три, ему страшно не хотелось отдавать их злым и несчастным людям – дворцовым стражникам. Скрепя сердце он взял со стола ракушку; момент заселения кристалла – самый сложный, надо чувствовать оболочку изнутри, понимать ее душу, сопрягать с душой записанной музыки. Но музыки-то нет – только отчаянный злобный вопль. Как объяснить ракушке, что это и есть ее судьба?

«Если я сейчас испорчу запись, – подумал Ольвин, – меня убьют на месте».

Попав в самый центр завитка, кристалл становится сердцем ракушки. Вынуть его и поместить новый уже невозможно. За годы ученичества Ольвин погубил сотни кристаллов, пытаюсь вложить их в раковину, даже мастер может

ошибиться, а руки, как назло, подрагивают...

Он выдохнул сквозь сжатые зубы. Приложил ракушку к уху: пение моря, далекий ветер, серебряный звон камертона...

- Да славится в веках Каменный Лес! - рявкнула ракушка. Надо же, какая точная получилась запись. А с музыкой, бывает, бьешься-бьешься, а выходит плоский, резкий, а то и фальшивый звук.

- Все, - Ольвин отдал ракушку офицеру. - Я могу быть свободен?

* * *

Он приготовился ждать в канцелярии до утра, но ответ пришел гораздо раньше. Через десять минут офицер вернулся с пятью стражниками:

- Берите вот это. Вот это все! Палки, бутылки, горелку, треногу... Склянка если побьется, отвечаешь головой! И вот этот ларец бери...

Стражники в десять рук схватили имущество Ольвина и, чуть не сталкиваясь в дверях, моментально вынесли из комнаты. Ольвин сжал кулаки: от несправедливости хотелось драться.

- Это мои вещи!

- А ты тоже иди, пошел, пошел, быстро!

Ольвин окончательно перестал понимать, что происходит.

Стояла глухая ночь, до рассвета было далеко, но по всему замку метались огни. Чужие руки в перчатках сжимали сосуд, к которому Ольвин боялся лишней раз прикоснуться, таким он был хрупким. Офицер замыкал процессию, гнал Ольвина перед собой, подталкивал в спину - мимо постов, мимо помещений стражи, сквозь испуганный шепот слуг. Завилась бесконечная лестница - вниз. Стражники грохотали сапогами и ругались тихо и грязно. Ольвин каждую секунду ждал, что раздастся звон битого стекла, но ни один из взмыленных

носильщиков так ничего и не выронил на крутых ступеньках.

Путь закончился в комнате с решетчатыми окнами. Это была, без сомнения, тюремная камера, причем самого худшего свойства, с вмурованными в стену стальными кольцами и цепями, с едва различимыми в темноте отвратительными приспособлениями. Прикованный за раскинутые руки, у стены пыхтел стражник. Или человек в одежде стражника. Мундир на нем был разорван, лицо окровавлено. Ольвин взглянул на него, отвел глаза и решил больше не смотреть.

Стражники, торопливо поклонившись кому-то в темном углу, расставляли имущество Ольвина – как попало, без понятия. Ольвин не спешил их поправлять. В его положении чем меньше сделаешь – тем меньше совершишь ошибок.

Один жест человека в темном углу – и в камере остались только прикованный стражник, Ольвин и тот, кто отдавал приказы. Ольвин мигнул; лицо человека в тени было почти полностью закрыто черной повязкой, свободными оставались только подбородок и губы.

– Я хочу сохранить допрос так, чтобы его можно было услышать заново в любой момент.

Ольвин кивнул. Поправил треногу, подготовил горелку, бережно установил сосуд. Извлек из тончайшего конверта зародыш кристалла на нитке. Человек из угла наблюдал за ним – не глазами. От этого слепого взгляда хотелось укрыться, как от ледяного сквозняка.

– Искажение реальности, – пробормотал человек в углу, обращаясь сам к себе. – Бытовая магия. Нет законов природы, чтобы вкладывать звук в ракушки.

– Музыка, – сказал Ольвин.

– Что?

– Музыка, а не звук! – Ольвин выпрямил спину. – Законы природы – законы гармонии. Музыка – гармония в чистом виде. Воздух дрожит, полный гармонии. Кристалл растет, рождая новую вселенную. Нет искажения реальности! Это природа... это естественнее, нормальнее, чем...

Он запнулся. Человек с завязанными глазами внимательно его слушал:

– Чем что?

– Чем ваши допросы, – сказал Ольвин хрипло. – Чем все это... чем занимаются люди.

Снова стало тихо. Хрипло дышал пленник у стены.

– Ты провинциал, и я знаю откуда, – сказал человек с завязанными глазами. – Рыжие Холмы, так? В вашей провинции не было ни резни, ни казней. Ты, конечно, можешь рассказывать мне о гармонии...

Он снял повязку с лица. Ольвин узнал его, и ему сделалось дурно. Он надерзил лорду-регенту, который к тому же не брезгует спускаться в пыточные подвалы.

– Если соляной кристалл положить в пустую ракушку, он не будет петь – он вывалится наружу, – сухо сказал регент. – Посмотри на себя: ты маг, а не химик.

Благоразумнее было бы промолчать в ответ. Но Ольвин уже не мог остановиться:

– У разных растворов разные свойства; чтобы понять это, не обязательно быть химиком. Поющая соль называется так, потому что...

Пленник громко испражнил себя в штаны. Поверх застаревших запахов комната наполнилась новой вонью. У Ольвина слова застряли в горле. Он силился и не мог понять, как в одной и той же реальности могут существовать «Времена года» Ирис Май и обгаженный человек в ожидании пытки.

– Гармония мира, – сказал лорд-регент с кривой улыбкой.

Он встал, в два шага приблизился к Ольвину, взял пятерней за затылок и принудил посмотреть на прикованного:

– Что ты видишь? Мешок с дерьмом? А вот и нет, это достойный человек... славный воин. Храбро сражался во время бунта, защищал императора. Ветеран битвы на Горящем Пике. А потом продался врагам и стал изменником. Вот лицо

твоей гармонии. Чувствуешь, как она пахнет?

Ольвина стошнило на каменный пол.

- Да ты романтик. - Лорд-регент отряхнулся от брызг. - Приступим!

* * *

Натыкаясь на дверные косяки, он едва нашел выход из камеры. Стражники в коридоре посмотрели на Ольвина - и почему-то предложили ему воды.

Сколько длился допрос? Столько же примерно звучат две первые части «Времен года». Хотя от такого сравнения Ольвин чувствовал физическую боль.

Он вернулся в камеру, когда его позвали, - вошел, дыша ртом. Человек у стены висел неподвижно на своих цепях. Сквозь тонкие стенки сосуда был виден кристалл в прозрачном растворе - нежнейшего опалового цвета, то как небо, а то как мед.

Ни о чем не думая, он извлек запись допроса и переместил ее в лучшую раковину - большую, с белым устьем и рельефной спиралью. Когда-то Ольвин мечтал, как поедет на континент, найдет там Ирис Май и вложит ее песню вот в эту ракушку.

Потом его отвезли домой. Ольвин вымылся холодной водой, не дожидаясь, пока хозяин нагреет ванну. Упал в постель и проспал до вечера.

Вечером хозяин, ликуя, показал ему доставленные из дворца вещи: все вернули! Соль, склянки для растворов, треногу, горелку, камертон - и резонирующий сосуд, пустой, сухой и чистый.

Ольвин криво улыбнулся, поднялся по лестнице в свою комнату, под самую крышу. Поставил на пол посреди комнаты резонатор, полученный в наследство от учителя, стоимостью как улица в родной провинции и редкостью как огромный алмаз.

Взял молоток из коробки с инструментами. Примерился.

Резонатор не виноват. Но после того, что прозвучало в подземной камере, здесь не может быть музыки.

Никогда.

* * *

За завтраком Ирис принесли письмо в конверте с уже знакомой печатью. На этот раз почерк был не каллиграфический, не писарский, но крупный и вполне разборчивый.

«Примите еще раз мои извинения, – писал лорд-регент. – Беспокоиться не о чем, стрелок обезврежен. Я не напоминаю, что обсуждать тему покушения не следует ни с кем, в особенности с императором, – не напоминаю, потому что уверен в вашей рассудительности».

Через несколько секунд текст на листе стал таять, пока не исчез совсем.

* * *

Комната была наполнена светом: одиннадцать утра, час Лошади, ясный солнечный день. За окнами стояло море, внизу катились белые валы, беззвучно, далеко. У стены высился стеллаж с ракушками; нигде ни у кого Ирис не видела такой коллекции. У нее самой никогда не было столько музыкальных записей.

Она осторожно взяла одну, самую крупную. Приложила ракушку к уху. Звук моря. Тихий звон... И мощное вступление: тема весны и радости из «Времен года». Ирис почувствовала, как расплываются в улыбке сухие губы.

Где и когда была сделана запись? Она не могла вспомнить, ее выступления записывали много раз. Но, судя по звучанию, она была счастлива в тот день. Это счастье теперь лилось ей в ухо.

В соседней комнате кашлянул стражник, и Ирис очнулась. Вернула раковину на место. Мельком глянув на дверь, приложила к уху вторую, потом третью, четвертую; внутри звучали струны и медь и многоголосый огромный хор. Здесь собрана коллекция музыки, может быть, лучшая в мире, но император пожелал учиться на морской свирели, а не на флейте и не на лютне, и захотел, чтобы его учила Ирис Май.

У мальчика хороший вкус; она покраснелась от самодовольства, одернула себя, перевела дыхание и открыла футляр с инструментом.

Морская свирель трудна в обучении, но у нее прекрасный голос. Происходит из моря, как все эти ракушки на стеллаже, но эти, маленькие, хранят музыку. А свирель – тоже ракушка, только огромная, – свирель способна ее создавать.

Причудливая спираль, изнутри песчано-белая, снаружи карминовая с серыми и сизыми вкраплениями. Костяной мундштук. Ряд отверстий вдоль завитка – больших и малых. Всякий раз, когда Ирис смотрела на это чудо, ее лицо становилось глуповато-мечтательным на секунду. Всякий раз она спрашивала себя: кто из нас настоящий музыкант, я – или моя свирель?

В ту же секунду она вспомнила о Лоре с детьми и перестала улыбаться. Хорошо ли с ними обращаются, не угрожают ли, не запугивают? И самое главное – как я смогу им помочь?!

Она коснулась губами костяного мундштука, пальцы легли на отверстия. Свирель зазвучала; это не был идеальный звук, в нем слышалось неровное дыхание, напряжение и страх, но это была ее музыка. И, как всегда, музыка придала ей сил. Возможно, не все пути к спасению закрыты.

Регент пишет, что стрелок «обезврежен». Убит? Значит, стража не дала ему уйти... Но подумайте, убийца в самом сердце дворца, рядом с покоями императора – это, должно быть, и есть та самая измена, которой лорд-регент все время боится. Еще бы доля секунды...

Она опустилась на октаву ниже. Доля секунды там, на балконе, и Ирис все бы выложила регенту, призналась, что она шпион поневоле, что она на крючке. Судьба ее после такого признания была бы незавидна, но главное – Лора с детьми наверняка погибли бы. Возможно, стрелок, появившись так вовремя,

неволью спас их всех?

Надолго ли это спасенье?

«Я должна придумать план, чтобы немедленно покинуть Каменный Лес, – подумала Ирис. – Сесть на пароход, и...»

И это погубит сестру.

В соседней комнате грохнули алебардой по полу, Ирис прервала игру на середине такта. Открылась резная дверь. Император шагнул в комнату – за его спиной маячили стражники. Вслед за императором вошел лорд-регент, без повязки на лице, и бесшумно прикрыл за собой дверь.

Она ждала увидеть маленького мальчика, «чудесного ребенка», влюбленного в музыку. Перед ней стоял подросток, который выглядел на все пятнадцать, бледный, с короткими черными волосами, с большим ртом и тяжелым взглядом очень темных глаз. Лицо его было заметно асимметричным – и оттого пугающим.

Ирис, замешкавшись, низко опустила голову, изображая поклон. Неизвестно, заметил ли император ее замешательство, но лорд-регент заметил наверняка.

Ирис не поднимала глаз, забыв наставления местного этикета, не зная, что говорить, куда смотреть, следует ли ей первой приветствовать императора или, наоборот, не открывать рта, пока к ней не обратятся. Пауза затягивалась, становилась неприличной, и...

– Это ваша свирель?

У него ломался голос. Неожиданно тонкие ноты выдали волнение. Он смотрел на инструмент в руках Ирис, и его бледное лицо преобразилось: загорелись глаза. Асимметричные губы растянулись в неуверенной улыбке. Ирис поняла: он маленький. Ребячливый даже для своих двенадцати – в теле почти взрослого юноши.

– Это свирель, на которой вы играете «Времена года»?!

– Да, вот она. – Ирис вдруг почувствовала себя совершенно естественно. – Можете поддержать. Только осторожно.

Император взял инструмент, как отец принимает первенца. Замер, разглядывая, ощупывая, ничего вокруг не замечая, будто впав в транс.

Ирис подняла глаза – и встретила взгляд лорда-регента. Тот улыбнулся.

* * *

– Здесь лучшая музыка со всего мира! Я думал, что слышал все на свете, но три месяца назад Эрно, то есть лорд-регент, раздобыл для меня «Времена года», все пять частей!

– Поразительное качество записи, – сказала она искренне. – Как вам удалось собрать такую коллекцию?

– Эрно покупает для меня у торговцев – через посредников, на континенте, они понятия не имеют, кому продают. – Он рассмеялся. – Вот бы удивились, если бы узнали! Они же считают нас людоедами, всерьез пишут, что лорд-регент садист и убийца, какая уж тут музыка... Ничего, через несколько лет наладится внешняя политика, тогда я смогу поехать с визитом на континент и войти в «Грот», это знаменитый магазин. У них есть все – мастера, мастерские, лаборатории, у них лучшие записи, настоящие...

Он вдруг напомнил Ирис старшего племянника. Сходство было мгновенным, но таким сильным, что Ирис захотелось приобнять мальчишку и растрепать на макушке волосы. И тут же она вспомнила, что тот мальчик в беде, а этот на пороге огромной власти.

Император отвлекся от мечтаний, заговорил снова, быстро, азартно:

– А у нас в Каменном Лесу есть один... человек, он умеет растить поющие кристаллы. Чокнутый парень, даже не понимает, как у него убого все получается, и продает свои записи таким же простакам... У меня есть... где же? А, вот, есть его ракушка, самоделка. Ерунда, конечно, но для коллекции надо. Хотите послушать?

Она приложила к уху гладкую коричневатую раковину. Шум моря, удар камертона...

Народная мелодия, «Колыбельная в час Кота». Ксилофон и колокольчики. Запись не идеальна. Исполнение любительское, но искреннее и очень необычное. Ирис не удержалась и дослушала до конца, а император не перебивал ее – терпеливо ждал.

– Здорово, – сказала Ирис. – Можно... мне взять это с собой, чтобы прослушать еще раз, позже?

– Конечно, берите! А вот еще записи, а вот еще... Берите, сколько хотите! А то, кроме меня, это никто не слушает, Эрно плевать на музыку...

Он замолчал, и в его глазах что-то мгновенно изменилось.

– Мой отец играл на арфе. Честно говоря... это он начал собирать коллекцию, когда был чуть старше, чем я теперь. Еще он играл на лютне, на ксилофоне...

Стало тихо.

– Соболезную, – сказала Ирис. – Я знаю, что он погиб во время бунта.

Император задумчиво кивнул:

– Да, и мама тоже. Она прекрасно пела. Если бы кто-то догадался... смог... поместить ее голос в раковину, мы могли бы и сейчас ее слушать.

Он снова замолчал. Не зная, что сказать, Ирис взяла свирель, и в комнате зазвучала тема зимы – тема тепла и сочувствия.

* * *

Раковина орала хриплым человеческим голосом, вопль не прекращался, пока Тереза не отняла ракушку от уха:

– Почему я должна это слушать?

– Зря ты прервалась, – сказал он сухо. – Придется начинать сначала и тратить время.

С каменным лицом она снова приложила ракушку к уху. Шум моря, звук серебряного камертона... пауза... вопль.

Она мельком посмотрела на Эрно, тот следил за ее реакцией. Иногда, когда он смотрел на нее, вот как сейчас, сквозь его бесстрастное хищное лицо проступало другое, лицо мальчишки, с которым она целовалась под грохот водопада – страшно давно. Вечность назад. И очень некстати, лишнее воспоминание.

Вопль закончился. Раковина захрипела и заговорила, быстро и едва разборчиво:

– Я промахнулся, но другие тебя убьют. Ты сдохнешь за то, что сделал с моей провинцией... Они ведь уже сдались! Они сдались, а ты что с ними сделал?! Теперь их дети растут немые, они онемели от ужаса! Тебе конец. Это заговор, большой, это паутина, в которой ты муха. Но если возьмешь кого-то живым, как меня, он не будет знать ничего! Ничего, ничего! Ничего!

Снова вопль. Пауза. Звук серебряного камертона. Далекий шум моря.

– Мне важно, что ты об этом думаешь, – сказал Эрно.

– Это бред. – Когда ей было страшно, делались холодными руки, а правая ладонь становилась и вовсе как лед. – Такому огромному заговору неоткуда взяться. Нет... опоры, ты же всё вычистил. Всех. Рядом только верные. Этот человек, возможно, и не врал, но он сам обманывался.

– Как ты считаешь, – спросил он задумчиво, – карательный поход на Счастливей Остров был ненужным зверством – или стратегически оправданным актом устрашения, который в результате спас многие жизни?

Она молча порадовалась, что он смотрит на нее без повязки на глазах.

- Он был оправданным зверством... Эрно... зачем ты записал допрос?

- Чтобы ты его потом услышала.

- Зачем?!

- Потому что мне важно, придешь ли ты к тому же выводу, к которому пришел я.

Она подобралась; его манера всех вокруг испытывать и проверять бесила многих, но уж ее-то он мог избавить от этих экзаменов.

- Этот человек... не имел шансов тебя убить. Стрела летит слишком долго. Либо заговорщики тебя совсем не знают... а это вряд ли. Либо тебя не собирались убивать.

- Тогда чего они хотели? - Он улыбнулся краешками губ. У нее заболело сердце: эта улыбка будила запретные воспоминания. И снова некстати.

- Отвлечь, - просто сказала Тереза. - Я не понимаю от чего, и это меня тревожит.

- Не «от чего», - пробормотал он. - От кого... Спасибо, Тереза. Ты мне очень помогла.

* * *

После обеда Алекс повез ее на экскурсию по городу, с обязательным визитом в ювелирный квартал. Как ни пыталась Ирис отвертеться, мягкая настойчивость Алекса не оставляла ей шансов. Проще было бы договориться с приливом на океанском побережье.

- Это дело нашей чести, госпожа Айрис. Стоит вам увидеть все эти камни вблизи - и вы тут же забудете, что не носите украшений!

«Я ни на секунду не отойду от провожатого, - твердо сказала себе Ирис. - У тех людей, кем бы они ни были, не будет шанса еще раз со мной связаться».

– ...Обратите внимание, это настоящий музей! Милейший, открой-ка для нас еще вон ту витрину...

В огромном магазине кроме приказчика, Алекса, Ирис и стражника у двери никого не было. Сверкали камни, текли застывшими ручейками золото и серебро, Алекс почти силой заставлял Ирис примерять то один набор, то другой, то третий. Всякий раз из зеркала на Ирис смотрела новая женщина; в конце концов она увлеклась этой игрой, даже проявила слабую инициативу, указав на ожерелье, которое ей чем-то понравилось. Не прошло и секунды, как ожерелье было упаковано в резную шкатулку.

– Не вздумайте спорить, госпожа Айрис! Лорд-регент снимет с меня голову, если вы не примете подарка! Кстати, на завтрашний музыкальный вечер, где вы будете играть, вы ведь не откажетесь надеть обновку? Она потрясающе вам к лицу!

Ни о каком музыкальном вечере ее никто не предупреждал. Узнав об этом, Алекс сделал большие глаза:

– Это форменное безобразие, вам должны были прислать приглашение! У нас есть еще время до часа Свиньи. Что бы вы хотели увидеть в городе?

Он надоел ей со своей бесцеремонностью и навязчивой опекой.

– Я хочу увидеть человека, который наполняет ракушки музыкой. Он еще держит магазин, как я поняла.

– Ракушки? – Алекс на секунду замешкался. – Хм... Это не магазин, это лавка на нижнем базаре, не очень удачное место. Там полно мусора и голодранцев.

– Едем, – сказала Ирис.

* * *

Не так уж и много мусора, в любом порту побольше будет. А людей в самом деле много, хотя торговый день уже заканчивался, многие лавки закрывались. Ирис настороженно оглядывалась – она уже пожалела о своем решении. В этой толчее

может скрываться кто угодно, за ней могут следить, это проще простого – она выделяется из толпы. Хорошо, что есть сопровождающие – Алекс, кучер, охранник. Ирис старалась не отставать от них ни на шаг, да они и сами не позволили бы.

– Где же? Где-то здесь, – бормотал себе под нос Алекс. – Эта лавчонка куда подевалась? А, вот... вот, госпожа!

Ирис увидела аккуратную маленькую лавку. На деревянной доске над входом была нарисована морская раковина, и ниже криво приклеено рукописное объявление: «Распродаю лавку. Все по двадцать монет». Женщина-горожанка и девочка лет пятнадцати шепотом препирались у входа:

– ...у тебя уже есть поющая ракушка!

– Но мне же мало одной! Ну давай же зайдём, там есть «Пляски осьминога»...

– Не вздумай слушать эту дрянь! Любая музыка – трата времени, денег, разврат, бесстыдство, что она даёт порядочной женщине?! Нет-нет, пойдём, и не проси...

Она потащила девочку прочь от прилавка. Ирис, проводив их взглядом, сделала шаг, другой ко входу...

Оттеснив её и даже не заметив этого, в лавку вошли двое мужчин. Алекс посмотрел на Ирис с тревогой: разве она не видит, что место неподходящее? Остаться тут – значит нарываться на оскорбления, и что прикажете делать?! Ирис успокоила его взглядом и вошла следом за бесцеремонными визитерами.

– Ольвин! – с порога крикнул первый, высокий и необъятный. – Я нашёл покупателя, возьмёт все оптом.

– Сто монет, – сказал второй, щуплый и быстрый, как плетка. – Прямо сейчас.

– Твоё, – сказал лавочник. – Забирай.

Высокий, бледный, очень молодой, но с погасшими глазами, он стоял над столом, на котором горой лежали ракушки. Здесь не меньше полсотни,

подумала Ирис. По самой бросовой цене – не меньше тысячи монет.

– Нет, я это куплю. – Она не узнала своего голоса.

Сделалось тихо. В тесной лавке на нее смотрели четверо мужчин: Алекс, потерявший дар речи. Оба покупателя, как на говорящую вошь. И лавочник – взглядом человека, только что очнувшегося от тяжелого кошмара.

– Я покупаю все записи, – сказала она, интонацией напомнив всем и себе, что она – свободная жительница континента, которой никто не смеет приказывать. – Две тысячи за всё. Господин Алекс... – Она обернулась к провожатому. Тот выпучил глаза:

– Но...

– Вы хотели сделать мне подарок? Вот это он и есть. Выдайте деньги хозяину, а мне, пожалуйста, упакуйте раковины...

Она снова посмотрела на лавочника. Тот стоял и смотрел, она не смогла истолковать этот взгляд и растерялась.

Чужая жизнь, чужие нравы. Она вмешалась в ход событий, ничего толком не понимая. Зачем она это сделала? Зачем, наконец, ей груда кустарных ракушек с народными песнями?!

– Что ты мне голову морочишь? – сказал щуплый покупатель, развернулся и вышел. Другой поспешил за ним всей телесной массой и чуть не вышиб дверной косяк.

– Да погоди... Это чушь какая-то... Мы так не договаривались...

Лавочник стоял неподвижно и странно смотрел на Ирис.

– Так пакуйте же раковины. – Она начинала нервничать. – Господин Алекс, оплата готова?

– Для вас – бесплатно, – хрипло сказал лавочник. – Госпожа Ирис Май.

* * *

Ирис Май, живая, неприлично юная, сидела в его лавке, одну за другой прикладывала ракушки к ушам и задавала Ольвину вопросы, и сияла глазами, слушая и поражаясь.

Конечно, он помнил происхождение каждой ракушки: что-то покупал и выменивал, что-то записывал сам. Он рассказывал ей, как сутками ждал в порту и волновался, что посредник купил не то, разбил товар при погрузке или сбежал с деньгами. Как разыскивал музыкантов и платил им: кто-то играл на свистульке посреди базара, кто-то на арфе в салоне для знати. Он показал ей особый трюк: две ракушки с одной мелодией; если приложить их одновременно к ушам, будет слышен объемный звук.

Она слушала. Он смотрел на нее, и ему казалось, что он видит странный, небывалый, прекрасный сон.

Ее спутники были недовольны, особенно толстяк в бархатной куртке. Тот несколько раз заглядывал в лавку, все более настойчиво давал понять, что визит затянулся. Ирис не обращала на толстяка никакого внимания.

– Ксилофон и колокольчики? Я уже слышала похожую запись. Кто исполнитель?

– Я.

– Вы музыкант?!

Он чуть не провалился под землю. Ирис Май смотрела на него, удивленная и обрадованная, и спрашивала у него, ремесленника, простака и лавочника: «Вы музыкант?»

– Я любитель. – Ольвин прочистил горло. – Понимаете... Музыки на свете гораздо меньше, чем пустых ракушек. Когда это осознаешь... ничего другого не приходится, как заново ее создавать... музыку, я имею в виду. Уж как получится, из чего умеешь.

– Мне очень нравится ваше исполнение. – Она смотрела честными сиреневыми глазами; он поразился, какой же у них необыкновенный цвет. – Инструменты простые, мелодия тоже, но вы музыкант. Это слышно по нескольким тактам, и не спорьте, я профессионал.

Она отняла ракушку от уха, протянула Ольвину, будто приглашая его в свидетели. Ракушка была теплая, она хранила тепло кожи Ирис Май и ее запах.

– Что с вами? – Она улыбалась.

Осторожно и медленно, будто боясь, что наваждение исчезнет, Ольвин прижал ракушку к уху. Никогда знакомая мелодия не звучала для него с такой силой; в песне, которую он когда-то придумал и сыграл, теперь открылась щемящая грусть и такая нежность, что Ольвин дрожал все сильнее.

Ирис Май смотрела на него уже без улыбки. В ее глазах было изумление.

– В нашей провинции, – сказал он еле слышно, – цветы на холмах расцветают один раз, весной. У них белые, синие, сиреневые лепестки и пушистое желтое сердце. Они цветут, и влюбленные гуляют в холмах по ночам, ничего не замечая, кроме звезд и цветов. Всего через несколько дней солнце выжигает землю до пепла, до бурой пыли. Я хотел сохранить... попытаться... сделать хоть что-то для этих цветов. Сыграть их.

Теперь в ее глазах появились слезы. Ольвин похолодел:

– Я вас обидел?!

– А вы... можете запереть дверь? – спросила она дрожащим голосом.

Натыкаясь на стулья, он прошел к двери, отдернул занавеску. С усилием приподняв деревянную створку, поставил в проем, задвинул засов.

– Так?

Она кивнула:

– Я просто не хотела... чтобы Алекс опять сюда явился и нас прервал.

– Почему вы плачете?

– Не знаю. – Она улыбнулась сквозь слезы. – Дайте мне еще что-нибудь послушать из вашего. Только ксилофон, или есть что-то еще?

– Есть деревянная дудка. Сейчас...

Он наспех приложил к уху ракушку, чтобы убедиться, что не ошибся. Да, это была мелодия, которую он придумал когда-то в трактире, и помнил, как веселилась публика. Ему хлопали, трактирщик пытался нанять его музыкантом на каждый вечер...

Ирис слушала. Ольвин смотрел, задержав дыхание, как розовеют ее губы. Как в такт песне поднимается и опадает грудь. Там, в завитке ракушки, пела, повизгивала, закатывалась дудка – дерзкая, разбитная, бегущая по краю фальши, никогда не скатываясь за грань. Жизнь, веселье, вкус женских губ, сладость, горечь – все смешалось...

Он встал. Пересек комнату. Теперь его и Ирис Май разделяло несколько шагов, а она слушала дудку, щеки покраснелись...

– Отойдите!

Ольвин отшатнулся. Она смотрела на него яростно, щеки горели. Ракушка небрежно легла на стол к остальным.

– Это не музыка. Это цирк на потеху толпе.

Она мельком посмотрела на запертую дверь; в этом взгляде проявилось нечто, отчего у Ольвина сделалось кисло во рту. Он пятился до тех пор, пока не наткнулся спиной на стену.

– Но... это такой жанр...

Она молчала. Ольвин проклял собственную глупость.

– Такой жанр, – повторил он безнадежно. – Простите, это было бестактно с моей стороны.

В запертую дверь забарабанили:

– Госпожа Айрис?!

Ольвин прикрыл глаза. Сейчас она холодно попрощается и уйдет. Вот и все.

– Подождите немного, – повысив голос, отозвалась она.

– Но...

– Подождите! – повторила она властно.

Ольвин снова посмотрел на нее. Ирис Май думала о своем, разглядывала щелястый деревянный потолок и ракушки на столе. Затягивалась пауза.

– С духовыми у вас не получается, – сказала она задумчиво. – При том, что техника мастерская. Вы не пробовали струнные?

– У меня слишком короткие пальцы.

Она встала, пересекла комнату, остановилась напротив:

– Покажите.

Он растопырил пятерню.

– Обыкновенные пальцы. Вам пошла бы мандолина. Научитесь играть тремоло, это вполне в вашем характере...

Кажется, она иронизировала.

– Я пробовал, у меня не вышло, – сказал он с тяжелым сердцем.

- Пробовали? - Ее сиреневые глаза чуть потемнели. - Может быть, остались записи?

- Нет, - ответил он твердо.

Она сдвинула брови:

- Просто не хотите мне показывать, не так ли?

- Не хочу.

- Не доверяете?

Он молчал.

- Ну ладно. - Она поежилась, будто от холода. - Давайте тогда, наверное... упаковывать покупки, а то мой сопровождающий - он же с ума сойдет. Отоприте, пожалуйста, дверь...

Он шагнул к выходу и обернулся через плечо:

- Это длинная запись.

- Вы же продали мне все свои ракушки, - сказала она прохладно. - Я послушаю на досуге.

- А эту не продал.

- Вот как?

Он сжал зубы. Поддел лезвием ножа доску в углу, вынул из тайника ракушку, тусклую снаружи, с черным глянцевым устьем.

- Не продается. Даю послушать один раз.

Она насмешливо улыбнулась – и приняла ракушку из его рук.

* * *

Когда прозвучали первые такты, ей захотелось отнять ракушку от уха и высмеять его... Или дать оплеуху. Никто не смеет переигрывать «Времена года» Ирис Май!

Но она слушала дальше. И дальше. И еще. Он открывал для нее то, что она увидела когда-то и забыла. Увлечшись, уводил мелодию в сторону, возможно, в холмы, залитые цветами, но всякий раз бережно возвращал на место.

Где-то тарабанили в дверь, Алекс умолял отпереть, она орала, не отрывая ракушки от уха, чтобы ее ждали. Ждали. Ждали.

Времен года, как известно, пять. Зима, весна, лето, осень и тлен – время между осенью и зимой, когда старая жизнь закончена, а новая еще не наступила. Ирис слушала музыку тепла и сочувствия, надежды и радости, удовлетворения и покоя, музыку смутной тревоги – и музыку смерти с надеждой на воскрешение. Она слушала с закрытыми глазами. Слушала, кусая губы. Слушала, глядя на Ольвина – тот сидел напротив, бледный и неподвижный, как кусок мрамора.

* * *

Она отняла от уха ракушку. На коже остался красноватый отпечаток.

Ольвин в который раз проклял себя: не надо было позволять ей это услышать. Проще вспороть себе брюхо и выложить кишки на всеобщее обозрение.

– Ольвин, – сказала она, – я хотела бы сыграть с вами дуэтом.

– Что?!

Ему захотелось поймать эту минуту в резонатор, вырастить кристалл, вложить в ракушку и сохранить навсегда.

– Вы не просто музыкант. Вы... Я преклоняюсь.

Она встала, и он вскочил тоже. Она шагнула к нему:

– Где ваши инструменты? Резонатор, раствор, кристаллы? Давайте сыграем дуэт и запишем его... скажем, завтра? Я привезу свирель, а вы приготовьте все для записи. Да? Что с вами?!

– Я не могу, – сказал Ольвин.

Ему показалось, что с самой высокой вершины он летит в глубочайшую холодную яму.

– Простите, но... я больше не могу записывать музыку.

Она разглядывала его, тревожно, с сочувствием:

– У вас что-то случилось? Почему вы распродали лавку? Простите, что я не догадалась спросить сразу.

– Нет, ничего, – он через силу улыбнулся. – Резонатор... он разбился, а новый я уже не достану. Значит, пришло время что-то изменить в жизни... Извините, но я тоже не догадался спросить сразу: а как вы вообще оказались в Каменном Лесу?! К нам обычно никто не ездит...

Она замешкалась на долю секунды.

– Деликатный вопрос, но, вероятно, это не тайна: император захотел, чтобы я дала ему несколько уроков. Я приехала по приглашению лорда-регента.

* * *

У него застыло лицо. Прямо-таки за несколько секунд превратилось в деревянную маску. Ирис испугалась:

– Вам плохо?!

– Ничего, – сказал он сипло. – Значит, эти люди с вами – слуги лорда-регента?

Она кивнула, уже понимая, что в чем-то ошиблась, и мучительно пытаюсь понять, поправима ли эта ошибка.

– Вам лучше уйти, – сказал он глухо. – Я сейчас упакую ракушки.

Он отпер дверь, отдернул занавеску. Двигаясь медленно, как в толще воды, поставил ящик на стол посреди комнаты: ящик был полон упаковочной стружки.

– Ольвин, – она все еще искала выход, – объясните. Вы настолько ненавидите лорда-регента?! Но я ведь не служу ему, я преподаю музыку ребенку!

– Вы... принадлежите другому миру, – он мучительно подбирал слова. – Здесь Каменный Лес. Вы приехали – и уедете...

Наверное, у нее тоже изменилось лицо, потому что он оценил ее реакцию и заговорил быстрее:

– Я вам очень благодарен, госпожа Ирис. За то, что вы слушали... и назвали меня музыкантом. И предложили сыграть дуэтом. Но... знаете, в наших краях у рыбаков есть байка об огромной медузе, способной принимать облик девушки и заманивать парней – в прибое у пустых берегов. Парни тянутся обнимать ее, а она кричит им в ухо одно только слово. Тогда они проживают сто лет мучений за одну секунду и умирают.

– Какая... жуткая и мерзкая легенда.

– Некоторые считают, что это правда. Но... понимаете, я не могу ненавидеть лорда-регента. Он для меня – невозможная в нашем мире вещь, вроде как... крик медузы. Поэтому я обманываю себя, я внушаю себе, что его нет... или он далеко. Если вы приехали по его приглашению – и вас тоже нет. Я вас не вижу. Я вас не слушал. Я вас не встречал.

Он говорил, а руки его двигались, упаковывая ракушки в ящик среди полотна и стружек. Алекс снова появился в дверях и был на этот раз настроен решительно:

– Госпожа Айрис, смеркается, мы должны ехать немедленно!

– Можно грузить, – она указала на ящик.

Кучер и стражник вдвоем вынесли тяжелый груз. Алекс ждал ее, она махнула рукой:

– Я буду через минуту! Дождитесь у экипажа!

– Я обязан сопровождать вас.

– Может, вы наденете на меня поводок?!

Она нервничала и не выбирала выражений. Алекс вышел – он тоже волновался и злился на нее.

Ольвин стоял среди пустой лавки. Пол был усыпан упаковочной стружкой, на столе валялся кошелек с деньгами – с момента, когда Алекс со звоном опустил его на столешницу, Ольвин к нему так и не притронулся.

– Возьмите эти деньги, – сказала Ирис. – Купите себе новый резонатор. Вы совершенно правы: музыки гораздо меньше, чем пустых ракушек.

Она вышла, отдернув портьеру, и поразилась, как изменился воздух: стало холодно. От моря напал туман. Экипаж дождался в ста шагах, кучер и стражник, едва различимые в дымке, грузили покупку в багажное отделение. Алекс раздраженно шагал по пустеющему рынку, Ирис почти не видела его, только слышала грохот башмаков по брусчатке.

За ее спиной молчала бывшая лавка поющих ракушек. У Ирис было чувство, будто она оставляет горящие развалины родного дома. Странно, учитывая, что еще сегодня днем она понятия не имела о существовании этой лавки.

Она остановилась. Почти сделала шаг, чтобы вернуться. Туман сгустился так, что Ирис показалось, что в лицо ей тычут мокрой ватой. Алекс уже добрался до экипажа и ругал за что-то кучера, не выбирая слов – срывал злость...

Ей зажали рот сзади – широкой ладонью в перчатке. Ирис забила, ее сдавили крепче, обездвижив, почти полностью перекрыв воздух.

– Тихо! Все в порядке, сестра и племянники здоровы... Будете кричать?

Она помотала головой, насколько позволял захват. Ее выпустили. Вокруг стояла стена тумана – фонари на экипаже были едва различимы. Она обернулась и мельком увидела лицо под надвинутой шляпой, наполовину закрытое высоким воротником.

– Мы патриоты Каменного Леса, нам всего-то и нужно, чтобы император услышал нас.

У нее перед глазами оказалась рука в перчатке, со светло-бежевой ракушкой на ладони:

– Положите на полку с другими записями, пусть император найдет. Не пытайтесь прослушать сами; если попробуете, мы обязательно узнаем. Надо говорить, что мы тогда сделаем с вашей сестрой и племянниками? Нет?

Ракушка была рельефная, колючая, очень холодная.

– Вам ничего не грозит, – еле слышно сказал человек из тумана. – Никто не заподозрит. Лорд-регент чудовище, но император невинный ребенок. Дайте ему шанс! Сделайте это – помогите себе, сестре, Каменному Лесу... всем! Спасите нас, госпожа Айрис!

...Только в апартаментах, оставшись в одиночестве, она разжала ладонь.

Ракушка нагрелась в ее руке; на коже остались синеватые вмятины от «рожек» вдоль завитка.

* * *

– Мой лорд, госпожа Айрис Май пожелала посетить лавку, где торгуют ракушками. Она знала об этой лавке заранее. И такое впечатление, что она знает и лавочника! Они беседовали, как родные...

– Очень хорошо, Алекс. Пусть за этим лавочником присматривают. Но тихо, чтобы не спугнуть.

– Будет сделано, мой лорд.

* * *

Теперь у него был собственный инструмент, немногим уступающий свирели самой Ирис. По правде говоря, эта морская свирель была даже слишком хороша для ученичества: широкое устье, великолепный объемный звук. Естественно, звук извлекала Ирис: у императора, несмотря на все его старания, свирель хрипела и похрюкивала в руках.

Он сел на подоконник, глядя на море, баюкая свирель в натруженных руках. Это был замечательный момент, чтобы незаметно подкинуть на полку чужую ракушку, но Ирис упустила его.

– Не расстраивайтесь. Чтобы хорошо сыграть простую гамму, надо тренироваться многие месяцы.

Он грустно смотрел на нее, в его взгляде было сомнение и что-то еще, чего она не могла понять.

– Скажите, – начал он, – ведь у меня получится когда-нибудь... Не так, как вы, но хотя бы... чтобы вышла настоящая музыка?

– Конечно, – сказала она горячо. – Обязательно. Если только вы не забросите занятия...

– Никогда не заброшу! – Он смотрел с благодарностью, как будто Ирис сняла с его души огромный груз. – Я клянусь, никогда не заброшу... но... может быть, вы останетесь у нас... подольше?

Ирис осторожно улыбнулась. Ход разговора перестал ей нравиться.

– Нет, я не могу остаться, – сказала она, как могла, мягко. – Но я обязательно вернусь... скоро. Четыре дня на пароходе – не такой уж и долгий путь.

В дверь просунулась сухая мордочка камердинера, за его спиной маячила стража.

– Государь, позвольте напомнить, что время урока...

Император резко обернулся:

– Здесь я решаю, когда истекло время!

Камердинер, кажется, растворился в воздухе. Ирис опустила глаза.

– Ой, простите, – сказал он совсем другим голосом. – Вы ведь не устали? Просто скажите, когда утомитесь, и мы закончим. Ненавижу камердинера, он такой назойливый...

Ирис кивнула, стараясь не смотреть на него.

– Я бы не хотел, чтобы вы уезжали, – сказал он и прокашлялся. – Но у меня и в мыслях не было... вас задерживать. Я понимаю. У вас, наверное, есть семья... на континенте?

Ирис посмотрела ему в глаза. Император выглядел удрученным, но ни единой задней мысли в его вопросе не было. Ирис закусила губу.

– У меня есть сестра... старшая. Ее зовут Лора. У нее два сына.

– А... муж? Вас многие должны любить, добиваться...

– Нету.

– Это грустно, – сказал он после паузы.

– Но почему?! У меня есть музыка...

Он о чем-то глубоко задумался.

- Вы учите племянников играть на свирели?

- Нет, они не хотят. Им больше нравится кататься в лодке и рыбачить.

- Дети, - сказал он со странным выражением, - редко понимают, что на самом деле ценно.

Он снова уставился на море. Ирис упустила еще один великолепный шанс незаметно подбросить ракушку.

- Если бы у меня был брат, - сказал император, глядя на белые гребешки внизу. - Или сестра. Все было бы по-другому. Мы бы играли вместе, гуляли по галерее, ходили на шлюпке...

- Почему бы вам не найти друзей? - сказала она, не успев подумать, поддавшись сочувствию. - У членов императорского совета наверняка есть дети, да и просто... может быть... дети добропорядочных горожан?

Он посмотрел на нее огорченно: конечно, она ничего не понимала в здешних реалиях.

- К сожалению, нет, - сказал взрослым голосом. - Меня хотят убить. Мальчик, девочка, взрослый, друг... Любого можно шантажировать. Любого можно запугать, и он подбросит яд в мой стакан... Поэтому я сижу взаперти.

Ирис будто невзначай взяла платок и стала протирать свирель - чтобы увлечь себя действием, чтобы руки не дрожали.

- Вы думаете, я фантазирую, - сказал он укоризненно. - Но это правда. Речь идет не просто о будущем... о самом существовании Каменного Леса.

Он встал и прошелся по комнате, взмахнул рукой, разрезая воздух, будто что-то кому-то запрещаая.

– Так. – Он остановился, сжал зубы, на бледных щеках заиграли желваки. – А вы с сестрой – вы дружите? Вы близкие люди?

– Очень, – сказала Ирис, благодарная ему за смену темы. – Она меня вырастила... почти как мать. Мы рано осиротели.

– Понимаю, – сказал он шепотом. – Я тоже... я знаю.

Тогда Ирис не выдержала и обняла его – трогательного ребенка, одинокого сироту. Он в первую секунду съежился, будто его никто не касался раньше, а потом вдруг обнял ее в ответ, но вовсе не по-детски, не сыновними объятиями.

Она наконец-то истолковала выражение, с которым он раньше на нее смотрел, и ей сделалось страшно. Высвобождаясь, она оттолкнула его, неделикатно, почти грубо.

Сердце грохотало в ушах. Щеки горели. Она была идиоткой, слепой дурой, она ошиблась и не представляла даже цену этой ошибки. Первый ее взгляд был – на дверь.

– Не уходите, – сказал он умоляюще. – Я все понимаю, я же не сумасшедший. Не бойтесь, пожалуйста, я знаю, как себя вести. Просто это все музыка...

Она не находила слов.

– Не уходите, – повторил он. – Расскажите... что-нибудь. Как вам понравился наш город?

– Он прекрасен. – Ирис отошла к противоположной стене, стараясь дышать ровно и глубоко, всем своим видом показывая, что ничего не случилось. – Я видела... улицы, площади, ювелирный квартал... Я встретила человека на базаре, у него лавка, ракушки, народные песни. Но оказывается, он и сам играет! Ксилофон и колокольчики, помните? Его зовут Ольвин. Если где-то в Каменном Лесу и есть настоящий музыкант...

Она прервала себя. Император смотрел исподлобья, уголок его рта поехал книзу:

– Ксилофон и колокольчики...

Он подошел к стеллажу, безошибочно выбрал ракушку Ольвина, широко открыл окно, впуская в комнату ветер и гул шторма, и, размахнувшись, швырнул ракушку в волны.

* * *

Вечером она играла в приемной для гостей, чьи имена и лица вспоминались ей очень смутно. Новое бриллиантовое кольцо казалось страшно холодным, тяжелым, давило на шею.

Лорда-регента не было среди слушателей. Ирис напряженно ждала, что он явится, но время шло, звучала одна мелодия за другой, а лорд-регент медлил, отвлеченный, возможно, государственными делами. В зале было много стражи – почти незаметной на галереях и, наоборот, подчеркнута надежной, с алебардами, у дверей. Здесь два дня назад произошло покушение на главного государственного сановника, думала Ирис. Почему эти люди держатся так, будто ничего об этом не знают?

Слушатели были благосклонно-равнодушны, переговаривались, пили вино, выходили из зала и возвращались; кто-то аплодировал с большим усердием, кто-то лениво склеивал ладони на секунду, чтобы тут же разнять их и продолжить прерванную беседу. Ирис заставила себя сосредоточиться на музыке, уйти в свирель, спрятаться в свирели; лучшие воспоминания ее детства, прогулки с сестрой по светлому лесу, зеленые склоны, с которых они скатывались кубарем по очереди, все эти дни были растворены в мелодиях, и она воспроизводила их нота за нотой.

Потом Тереза, восседавшая в первом ряду, попросила ее сыграть «Времена года». После первых же тактов Ирис узнала в своей музыке исполнение Ольвина. Она поверила голосу, неслышному для других, подчинилась его воле и сломала прежнюю тему, выстраивая мелодию заново. В зале стихли разговоры – эти люди разбирались в гармонии, как рыба в фейерверках, но не могли не почуять силу, которая исходила в этот момент от Ирис и от ее свирели.

Она закончила фрагмент, перевела дыхание – и увидела императора на галерее, в плотном кольце стражников. Он смотрел на Ирис, в его взгляде было то самое выражение, которое теперь до смерти ее пугало.

В перерыве она стала свидетелем сцены, для ее ушей не предназначенной. Тереза ледяным тоном порекомендовала императору покинуть зал, тот спокойно и властно напомнил ей, что она – всего лишь слуга трона. Тереза удалилась, не взглянув на Ирис. Стражники продолжали держать императора в кольце.

– Я пришел вас послушать, – он через силу улыбнулся Ирис. – Вы играли «Времена года» не так, как раньше. Почему?

– У вас... великолепный слух, – сказала она сухими губами. – Я рада, что вы пришли на концерт.

– Кое-кто пытался меня удержать. – Он недобро оглядел лица стражников с выпученными глазами. – Мне нельзя свободно ходить по собственному дворцу... Пошли вон! Это приказ императора!

Стражники колебались долю секунды. Потом один из них, слабое звено, отступил, и за ним попятнулись остальные. Ирис и император остались одни на широкой галерее – снизу доносились голоса из зала. Напротив тянулась глухая кирпичная стена. Ирис огляделась, сразу вспомнив стрелу с цыплячье-желтым оперением.

– Это может быть опасно, государь. Бунтовщики...

– Не пролезут же они прямо во дворец!

– Возможно, – она говорила по наитию, будто ступая по тонкому льду, – эти люди пытались когда-либо... связаться с вами...

Он посмотрел удивленно:

– С какой стати? Пять лет назад они хотели использовать меня как марионетку на троне. Теперь я им нужен только мертвый.

И все это ты знаешь от лорда-регента, подумала Ирис.

– Но, возможно, они еще попытаются что-то до вас донести... Представить свою точку зрения...

– Точку зрения?! – Он глянул так, что ей сделалось по-настоящему страшно. – Бунтовщики хотят отказаться от двух провинций! Это не точка зрения, это измена, за которую следует варить заживо! Вы... да вы просто...

Он хотел сказать «дура» или даже «предательница».

– Вы ничего не знаете о нашем мире!

В конце галереи зазвучали шаги. Через плечо императора Ирис увидела лорда-регента, за его спиной толкались стражники.

* * *

Отступать ей некуда. Завтра во время урока она оставит неприметную ракушку на стеллаже в комнате для занятий. Император обязательно найдет ее и захочет прослушать незнакомую запись. Что он сделает потом?

Он пойдет к лорду-регенту. Тогда Ирис изобличат, схватят и обвинят... В чем, в шпионаже? Она, конечно же, расскажет все как есть, но к этому времени Лора с детьми будет в безопасности... наверное.

Лицо императора, когда он произнес слово «измена», стояло у нее перед глазами. Бунтовщики зря надеются, что он способен прислушаться к каким-то их доводам. Император полностью под влиянием лорда-регента... Зачем Ирис знать историю бунта, зачем вникать, ведь она всегда избегала политики?!

«Отказаться от двух провинций». Для Ирис это ничего не значит. Но ради своей правды люди готовы варить противников в котлах – и быть сваренными.

Ее пальцы бегали по завитку свирели. На страшной глубине, куда не дотянется ни один ныряльщик, жила улитка и сто лет росла вместе со своей ракушкой,

а потом умерла. И пустую раковину подняли на свет, выжгли кислотой поверхность, отполировали устье и прорезали клапаны на месте хитиновых игл. Смерть улитки получила новый смысл – она звучит.

Что будет с моей свирелью? – подумала Ирис с внезапным страхом. Когда меня казнят... Смогут ли эти люди понять, насколько драгоценна именно эта ракушка и насколько она хрупка? Раз, швырнуть в раздражении о стену – и звука нет. Одной трещины достаточно.

Может быть, заговорщики подобрали верный подход к юному императору? Они далеко не глупы... нашли ведь они слова для Ирис, ту ниточку, которая обязательно сработает, если за нее дернуть. Есть ли у мальчика такая ниточка? Память о родителях? Еще что-то?

Тогда он не побежит к лорду-регенту. Тот не устроит расследование. Ирис останется гостьей, а не пленницей в этом дворце и через месяц, как договорено, уедет домой, встретится с Лорой и обнимет племянников...

«Завтра, – сказала себе Ирис. – Я оставлю ракушку с записью на полке в комнате для занятий. Лора бы сделала для меня то же самое».

* * *

Он сыграл гамму от начала и до конца, без фальши. Пальцы подергивались, в движениях не было плавности, но... Что же он, тренировался без отдыха – вчера, позавчера, ночами?!

– Просто не понимаю, как это возможно, – сказала она честно. – Научиться играть гамму за два дня – не в человеческих силах.

– Вы мне льстите, – сказал он сухо.

Яд между ними никуда не делся, но она видела, что ее оценка ему приятна.

– Я правда ничего не знаю о вашем мире, – сказала она после паузы. – Прошу простить меня, если чем-то нечаянно вас оскорбила, государь.

– Меня зовут Ференц.

– Я знаю.

– Ну так и зовите меня Ференц... Вы не можете меня оскорбить. Я... в самом деле много занимался эти дни. И ночи. Чтобы камердинер не донес Эрно, я тренировался без звука... перебирал пальцами, задержав дыхание, на ощупь. Я хочу научиться играть... до того, как вы уедете.

– Торопливость вредит искусству, – сказала она слишком сухо и назидательно. И, чтобы исправить впечатление, улыбнулась: – Когда-нибудь мы сыграем вместе.

– Когда-нибудь, – сказал он почти по-стариковски, с глубокой горечью. – Я расскажу вам о нашем мире... чтобы вы поняли. Вы помните, что мои родители погибли во время бунта?

– Как я могу забыть!

– Но вы не знаете, почему они погибли. Отец согласился включить бунтовщиков в правительство, созвать так называемое народное собрание, дать двум провинциям автономию – Кремню и Счастливому Острову. Он предал империю, поставил нашу родину на грань катастрофы.

– Но бунтовщики, – проговорила Ирис, – не поверили ему и потому убили?

– Кто сказал, что его убили бунтовщики?! Его убил Эрно, своими руками, чтобы не позорить его прикосновением палача.

Ирис молчала. В ее ушах нарастал звон, как от далекого камертона. Император смотрел на нее, играя желваками, и она не могла отвести взгляда.

– А он знает, что вы знаете? – хрипло спросила Ирис.

– Он сам мне сказал. Когда я подрос немного.

– И...

– Он убил моего отца, спасая его честь и родину. Другой выход означал бы позор и гибель Каменного Леса. Такое было время. Сейчас все изменилось – мне можно быть добрым, потому что Эрно спас страну. Мне можно быть милосердным, потому что Эрно никого не жалеет, он и меня убил бы, если бы я стал предателем... Теперь давайте разбирать новое упражнение.

...Пока император, зажмурившись, пытался извлечь из свирели чистый, не сиплый, не резкий, не дрожащий звук, Ирис потихоньку вынула ракушку из сумки и положила на полку к остальной коллекции.

Ракушка улеглась там на первый взгляд незаметно – но, бросив на нее второй взгляд, император обязательно заинтересуется. А если и нет – это уже не забота Ирис. Она исполнила, что ей велели.

– Завтра я сыграю гамму вперед и назад, с закрытыми глазами, – пообещал император.

И не сдержал слова.

* * *

– Госпожа Айрис, сегодняшнего урока не будет.

Алекс остановился на пороге комнаты, и был он непривычно мрачен.

– Но почему? – вырвалось у Ирис.

– Император плохо себя чувствует.

– Что с ним? Он болен?!

– Урока не будет, – повторил Алекс. – Пожалуйста, оставайтесь в своей комнате. Лорд-регент, возможно, захочет задать вам несколько вопросов.

– О чем?!

Алекс ушел.

Она захотела выйти на балкон, но дверь оказалась запертой на ключ. Кто ее запер, горничная?! Ирис прошла по комнате. Что с императором, что с ним могло случиться? Не от того ведь, что он прослушал эту ракушку?!

Входная дверь снова распахнулась – без стука, чего никогда не бывало прежде. Если прежде Алекс был мрачен – теперь он был потрясен и не мог взять себя в руки.

– Госпожа Айрис, идемте... Я получил распоряжение относительно вас. Пожалуйста, возьмите свирель и все ваши ракушки...

– Урок все-таки состоится?

– Нет.

В молчании они прошли по коридору. Стражи было вдвое больше обычного. Лифт опустил их на десять этажей вниз, дальше Алекс повел ее по незнакомой части дворца – мрачной, темной, со множеством решетчатых дверей и оконщелей.

Еще один лифт, тоже вниз. Алекс несколько раз пытался заговорить и обрывал себя – у него першило в горле.

– Я, по правде говоря, сам не понимаю... Вероятно, лорд-регент хочет вам что-то показать... или кого-то показать... раньше такого никогда не было. Я не ждал такого приказа...

– Какого приказа?!

– Сейчас вы все узнаете...

Стражники у каждого поворота. Тяжелая дверь отперлась и заперлась. Ударил в нос отвратительный запах – сырость, пот и еще что-то, отчего волосы шевелятся на голове. Ирис захотелось немедленно бежать из этого места – бежать сломя голову.

- Сюда, пожалуйста...

Она пригнулась, чтобы войти в низкую дверь с каменным сводом. Здесь не было окон, только свечи и факелы. У стены, прикованный за руки, стоял Ольвин – человек, который показал ей «Времена года».

- Да что же вы творите?!

Она бросилась к прикованному, стражники перехватили ее за локти с двух сторон.

- Этот человек вообще ни в чем не виноват! Ни при чем! Вы, живодеры, палачи, отпустите его немедленно!

- Тише, госпожа Ирис, – сказали у нее за спиной.

Она обернулась. Лорд-регент, с повязкой на глазах, стоял, облокотившись о спинку железного кресла.

- Тише. Не надо кричать раньше времени.

Она попыталась взять себя в руки.

- Этот человек ни в чем не виноват.

- Что это?

Регент протянул руку – на ладони лежала раковина, вокруг завитка вились острые шипы.

Ирис опустила плечи.

- Откуда ракушка? – тихо спросил регент. – Ее передал вам этот человек, мастер по имени Ольвин?

– Я купила у него целую партию! Потому что он распродал лавку, потому что...

– И вы оставили ее на стеллаже в комнате для музыкальных занятий?

От звука его голоса у нее отнимались ноги. Пот струился по спине под шелковой блузкой. Она пожалела, что не прыгнула с балкона в море еще сегодня утром.

– Что же вы молчите?

Она не могла говорить из-за спазма в горле. Не могла издать ни звука. Прошла длинная минута.

– Я могу все объяснить, – сказала Ирис. – Это не то, что вы думаете... Все не совсем так. Они взяли в заложники мою сестру и племянников...

Лорд-регент смотрел на нее, не глазами.

– И ради сестры и племянников вы подкинули эту вещь императору. Посмотрим...

Он подошел к прикованному Ольвину. Тот молчал и, не отрываясь, смотрел на Ирис. Лорд-регент приложил ракушку к его уху.

Бежали секунды. Ольвин сперва часто задышал, потом немного расслабился, глубоко вдохнул, облизнул губы:

– Вариации для флейты и барабана.

Лорд-регент рывком отнял ракушку. Секунду помедлив, начал слушать сам. Лицо его под повязкой не имело выражения.

* * *

– Это не та раковина, которую мне велели подбросить! Внешне она похожа, но внутри флейта и барабан. Это действительно одна из тех, что купила у Ольвина. А еще одну ракушку мне передал человек на улице...

В ее комнате царил разгром. Ирис говорила и шарила руками среди стружек в ящике.

– ...Я подумала: если внутри замка есть соглядатай... горничная, прислуга... На глаз никто не отличит ту ракушку от этой. Они убедятся, что я выполнила их поручение, освободят сестру и племянников... Вот она.

Лорд-регент взял ракушку. Подержал на ладони. Снял повязку с лица; у него были воспаленные, нездоровые глаза.

– И что там, по-вашему?

– Обращение к императору. Они хотят перетянуть его на свою сторону.

И напомнить, кто убил его отца, добавила она беззвучно.

– Тогда зачем такие сложности? – Лорд-регент смотрел на нее. – Почему вы просто не сделали, как они велели, не подкинули императору эту ракушку?

Ирис молчала.

– Вам развязать язык?

– Я пожалела... Ференца. Он ребенок. Он перенес такое... и продолжает с этим жить. Я не хотела, чтобы он... снова через это проходил. Делал какой-то... ужасный выбор.

Лорд-регент подкинул рогатую ракушку на ладони – и поймал.

– Ему придется сделать ужасный выбор, не раз и не два... Потому что он император, и это его долг. А я надеялся...

Он на секунду замолчал. Саркастически поморщился:

– Я надеялся, что темные времена прошли навсегда и мальчик теперь может играть на свирели.

– Он здоров? – У Ирис все сильнее кружилась голова. – Просто скажите, да или нет!

– Он здоров. – Лорд-регент ухмыльнулся: – Но очень зол, потому что я его запер. А он хочет заниматься музыкой... и он любит вас.

Ей не понравилась его интонация.

– Я был так рад, – сказал он медленно, – когда вы согласились приехать. Я видел, как он был счастлив эти дни. Вы очень многое ему дали, чего я дать никогда не смогу. Я хотел бы, чтобы он был другим человеком – не таким, как я. Для процветающей, мирной, доброй империи нужен мудрый и милосердный правитель, покровитель искусств. У меня совсем нет музыкального слуха... А музыка ведь учит милосердию?

Ирис молчала.

– По городу ползут слухи, – сказал он с кривой ухмылкой. – Во дворце смятение. Болтают, что император не то мертв, не то умирает. Бунтовщики поверили, что их план сработал, и поднимают восстание. А мне только того и надо.

– Какой план?

– Вы хотите это послушать? – Он протянул ей ракушку на ладони. Ирис потянулась к ракушке, не задумываясь, ведь терять уже нечего...

Лорд-регент отступил, отводя руку:

– Дура! Там внутри мучительная смерть, которую они передали императору вашими руками, вы – государственная преступница, госпожа Ирис Май, виновная в покушении на жизнь императора. Стража!

Загрохотали сапоги.

* * *

– Господа, я раскрыл заговор. К сожалению, масштабный. К глубочайшему сожалению...

В зале императорского совета собрались все, кого Тереза давно знала: презирала, ценила, уважала, использовала. Восемь мужчин и четыре женщины сидели за круглым столом-подковой; у каждого было постоянное место. Когда они вошли в зал, на столе перед каждым креслом уже стоял бокал с белым вином, а Эрно, тоже с бокалом, в непринужденной позе стоял у пустого трона.

– Я должен назвать имя изменника. Назначить императорский суд и казнь – на площади, в котле, по традиции. Но сегодняшний изменник сделал для императора и для страны слишком много. Пять лет назад, во время бунта, он был одним из тех, кто спас империю.

Даже на дне океана никогда не бывает так тихо.

– Из уважения к прежним заслугам этого человека я не стану позорить его судом и казнью. Перед каждым из вас стоит бокал... сейчас мы выпьем вместе. В бокале предателя быстрый яд. Это легкая смерть. Мой подарок.

Снова обморочная тишина.

– Но, Эрно, – сказала Рея, старейший член совета, седая и округлая, как морская черепаха, – заговор – это слишком серьезно! Лично я хотела бы услышать, в чем состоят обвинения, как выглядят доказательства... в конце концов, выслушать этого человека!

Он снял повязку. Обвел собеседников красными бессонными глазами:

– Тот, кого я имею в виду, может сейчас встать, признаться, и вы его выслушаете. Итак?

Тишина. Вальтер, бессменный военачальник и командующий флотом, положил тяжелые ладони по обе стороны от своего бокала:

– Я надеюсь, Эрно, что ты не сошел с ума.

– Нет. После того как... изменник нас покинет, я предоставлю вам и свидетельства, и доказательства.

– А если ты ошибся?! – снова подала голос Рея. – Не слишком ли поздно предъявлять доказательства – после смерти обвиняемого?!

Только эти двое не боятся говорить с ним, подумала Тереза. Остальные молчат, как ошпаренные мыши, и судорожно спрашивают себя: а вдруг это я виновен? А вдруг я провинился и сам того не знаю?!

– Ничтожества, – сказала она вслух.

Все взгляды обратились на нее. Она встала, сжимая в руке бокал:

– Как же дорога вам шкура, статус, блага... но не ваша страна. Которую ведет в пропасть сумасшедший узурпатор!

– Тереза?! – выдохнуло сразу несколько человек.

– Все, за что мы сражались пять лет назад, за что погиб принц Мило и десятки тысяч людей, – все это спущено в выгребную яму! Я предатель? Нет, вот предатель, – она посмотрела лорду-регенту прямо в глаза, на это требовалась вся ее смелость, но трусихой она не была никогда. – Пять лет назад у нас был шанс. Вы помните, какой ценой далась нам победа? Гражданская война, разруха, эпидемия, голод... Мы победили бунтовщиков! Мы поклялись, что из развалин империи встанет новая, могучая страна – республика! Мы договорились, что поделим власть, мы, сильное правительство, при котором император – красивая ширма... Так?! Оглянитесь вокруг. Где сильная республика? Где наше правительство?!

У нее саднило в горле, но она чувствовала вдохновение. Что-то похожее, наверное, чувствует Айрис Май, когда стоит на сцене со своей свирелью.

– Он диктатор! – Она возвысила голос. – Кто угрожал его власти – того он обвинял в сговоре с бунтовщиками и отправлял в котел! Он – император, а вы ничтожества! Члены императорского совета?! Трусливые марионетки!

Ее рука дрогнула, она чуть не расплескала вино.

- Верните достоинство, убейте его кто-нибудь ради своей страны...
Я поплодирую с того света!

Она прижала бокал к губам. Вино наполнило рот, холодное, сладковатое. Она пила жадно, надеясь, что каждый глоток будет последним, опасаясь, что горло сведет судорогой...

Эрно смотрел на нее. Никогда раньше она не видела в его глазах столько горечи.

Тереза выронила опустевший бокал, он разлетелся вдребезги, и снова сделалось тихо. Тереза тупо глядела на осколки - и не чувствовала ничего, кроме подступающей жути.

В этой тишине Эрно сделал глоток от своего бокала:

- Пейте, господа. Вино хорошее.

- Зачем? - после паузы спросил Вальтер.

- Чтобы вы услышали ее признание. Рея, у вас были вопросы? Задавайте.

- Ты обещал ей легкую смерть, - медленно сказала Рея.

- А я обманул. - Он пожал плечами. Вынул из кармана и положил перед собой маленькую морскую ракушку. - Здесь дар, который Тереза, руками своих подручных, послала императору. Тереза, ты понимала, что меня убить не удастся, и решила убить ребенка?

- Это не ребенок, - сказала она сипло. - Это источник твоей власти. Это препятствие между проклятой, нищей, жестокой страной и нашей настоящей родиной.

Они смотрели на нее, как будто впервые видели.

– Но гибнут же сотни детей, – сказала она, всматриваясь в их лица. – Прямо сегодня, от голода, побоев, от нищеты. Кто должен защитить их? Кто, если не мы?! Поймите, это закон истории – тот, кто становится у нее на пути, умирает. Кто убил своего лучшего друга?! – Она снова посмотрела Эрно в глаза и, кажется, почувствовала слабинку. – Ага, принц Мило был плохим властителем! И ты убрал его, спасая империю! А теперь ради спасения родины император должен исчезнуть! Он последний в роду, на нем прервется династия! Конец императора – конец регентства, конец регента и его диктатуры!

Они отводили взгляд. «Ничего, – подумала она с внезапной надеждой. – Я зародила в них сомнения. Я подтолкнула к действию, и мое дело не пропадет. Чем красочнее будет моя казнь, тем лучше».

– Я готова идти в котел, Эрно Безглазый, – она произнесла вслух кличку, которую он ненавидел.

– Тогда бери. – Он протянул ей ракушку на ладони.

Они встретились глазами.

Давным-давно, много жизней назад, она целовала неопытного мальчишку, а он не знал, как правильно целоваться.

* * *

– Знаете, Ольвин... крик медузы не легенда, он существует на самом деле.

Решетки их камер разделены были узким коридором. Если бы не Ольвин – Ирис сошла бы здесь с ума.

– Технически это невозможно.

– Что невозможно технически? Огромной медузе превратиться в девушку?!

– Записать в ракушку этот крик. Представьте, вы налаживаете резонатор, нагреваете раствор, добавляете соли... Даете начало записи, камертоном.

Медуза кричит, и... объясните: кто потом поместит кристалл в раковину? Если вы уже умерли?

- Не знаю, - призналась Ирис.

Они потеряли счет дня и ночи. Есть им давали часто, помногу, приносили сыр, хлеб, масло, овощи, но у Ирис начисто пропал аппетит. Ольвин ел: жизнь, похоже, не баловала его разносолами.

- Ольвин?!

- Я здесь...

Она поднялась на цыпочки и протянула руки сквозь решетку. Он сделал то же самое. В центре коридора, над каменным желобом, над зловонными лужами их руки дотронулись, дотянулись, вцепились друг в друга.

- Они вас выпустят, - сказала Ирис. - Всем понятно, что вы ни при чем. Я... добьюсь, я потребую, чтобы вас выпустили!

Решетка впивалась в плечи и в грудь.

- Спасибо, - сказал Ольвин. - Но и так все... неплохо получается. Солнце сжигает цветы, но они имели мужество пробиться. Они помнят, как цвести. Я помню, как впервые вас увидел... Мне не страшна любая казнь. А вы... вы не бойтесь! Вас они, конечно, отпустят, вы же с континента, за вас заступятся. Они не решатся вас тронуть.

- Тогда, - сказала Ирис, - они просто обязаны выпустить нас обоих. Мы уедем... здесь вам делать нечего. Я познакомлю вас с сестрой... и с племянниками. Мы сыграем дуэтом, сделаем запись...

Его ледяные пальцы стали согреваться в ее руках.

Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент в конце коридора загрохотали шаги.

* * *

– Госпожа Ирис Май. Верно ли, что, поддавшись шантажу, вы приняли из рук некоего человека раковину с записью, с приказом подкинуть ее императору?

– Да.

– Сознаете ли вы, что приняли участие в заговоре, направленном против императора, и покушении на его жизнь?

Судебная процедура проходила странно, в пустом зале или, скорее, комнате. Человек, которого Ирис видела впервые, задавал ей вопросы, лорд-регент стоял у окна, спиной к допросчику и к Ирис, но здесь же, у дальней стены, на высоком стуле сидел император и, кажется, совершенно не вникал в происходящее.

– Все не так, – сказала Ирис и заставила себя улыбнуться. – Да, меня пытались втянуть в заговор. Но я нашла выход, я обманула шантажистов. Император... талантлив, он обязательно научится играть на свирели. Я бы мечтала продолжать уроки... если это возможно. Ференц, мне надо было все рассказать с самого начала, но я боялась за жизнь сестры и племянников. Я нашла выход! Я подменила ракушку! Я вернусь домой, увижу сестру живой и невредимой и тогда вернусь, мы снова начнем заниматься, впереди много работы...

– Император примет решение, – сказал допросчик. Лорд-регент смотрел в окно и даже не обернулся.

– Послушайте! – Ирис испугалась, что потеряет голос и не успеет сказать главного. – В тюрьме сидит Ольвин, который не имеет ко всему этому ни малейшего отношения. Он невиновен! Ту ракушку мне передал совсем другой человек! Вы меня слышите или нет?!

Мальчик что-то написал на листке бумаги и отдал допросчику. Тот вопросительно посмотрел на лорда-регента; с таким же успехом можно было спрашивать совета у каменной статуи.

– Э! – Допросчик поднес бумагу к глазам и тут же отодвинул подальше. – Император выносит приговор... казнить как государственную изменницу.

В этот момент лорд-регент наконец-то обернулся, но на лице у него была повязка, и прочесть его выражение было невозможно.

* * *

– Ольвин?!

Камера напротив была пуста.

– Куда вы его увели? Вы его выпустили, да?!

Стражники ушли. Ее голос разносился по тюремному коридору, никто не отвечал. Ирис металась от стены к стене, насильно заставляя себя надеяться: выпустили. Выпустили на свободу.

Потом надежда умерла, а Ирис выбилась из сил, опустилась на соломенную подстилку и закрыла лицо руками.

В дальней темноте замелькали факелы и застучали шаги. У Ирис волосы встали дыбом: людей было много. Значит, конвой, палачи, она не ждала, что казнь назначат так быстро.

Люди остановились. Первым, у самой решетки, стоял император – угол его рта тянулся книзу, глаза ввалились, спрятались, как под опущенным забралом. И он казался очень взрослым в этот момент, лет восемнадцать, не меньше.

Ирис с трудом поднялась.

– Пошли вон, – сказал император, и те, кто стоял за его спиной – стражники и камердинер, – исчезли в темноте коридора.

– Империя. Дороже. Отца. – Он стоял за решеткой и смотрел ей в глаза. – Честь дороже жизни. Вот чему научил меня Эрно. Я бы лучше руку себе отрубил... чем тебя приговаривать. Но ради империи, по закону, тебя надо казнить.

– Он тебя замучает, – сказала Ирис. – Он плохой человек, жестокий... страшный. Как можно верить тому, кто убил твоих родителей?!

– Он человек чести, – сказал император. – А ты из другого мира. Я не смогу тебе объяснить.

* * *

Она уснула на соломе, в обрывочном сне ей виделась Лора и племянники. Они гуляли по зеленым склонам, и рядом был Ольвин – Ирис слышала его голос, но никак не могла увидеть, сколько ни вертела во сне головой.

Когда из двух враждующих сторон выбираешь середину – будь готов получить двойной удар в ответ. «Я не спасла их, – думала Ирис. – Я не спасла себя. Я погубила Ольвина просто потому, что оказалась рядом. Поделом же мне».

Прошло сто лет, а может быть, день. Снова явились стражники – и на этот раз точно за ней. Она громко и твердо попросила дать ей возможность привести себя в порядок перед казнью: уложить волосы, умыться, переодеться.

– Не было приказа, – отозвался начальник караула.

Ее повели по длинному коридору вверх, в узкий двор, закрытый со всех сторон. Небо уже светлело. Ирис схватила глоток воздуха, пахнувшего морем. Когда-то она мечтала пройти по легендарному городу на рассвете, по белым узким улицам среди мрамора и бирюзы, касаясь еще холодных, но уже освещенных камней...

Перед ней опустили подножку тюремной кареты. Экипаж тронулся. Окна были наглухо закрыты. Ирис пыталась вспомнить, сколько времени катится карета от дворца до площади правосудия. Пятнадцать минут, двадцать? Столько же времени звучит тема весны из «Времен года»...

Она принялась: сквозь щели проникал запах костра, дым от сырых дров. Неподалеку собиралась толпа – она слушала голоса, топот ног и колес, звон колокола. Ирис двумя руками, как могла, пригладила волосы.

Карета повернула и ускорила ход. Это что же, они будут возить ее кругами, пока палач как следует вскипятит котел?!

- Да скорее уже! - Она ударила кулаками в стенку. - Сколько можно?!

Карета катила во весь опор. Скрипели рессоры. Грохот камней под колесами сменился шорохом песка. Еще спустя вечность карета замедлила ход; Ирис осела на пол.

Открылась дверца. Снаружи не было ни площади, ни толпы, а только маленькая бухта среди скал. Дул ветер с моря, шелестели волны, было совсем светло. У причала стояла лодка.

На корме горой высился багаж. Рядом сидел Ольвин - Ирис протерла глаза. Да, это был он. Ирис замерла, вдруг испугавшись, что все вокруг - предсмертное видение.

Лодка опасно закачалась - Ольвин вскочил, увидев Ирис. Вероятно, мысль о предсмертном видении пришла ему тоже. Он рванулся к ней, но лодочник, массивный и кряжистый, опустил ему руку на плечо и заставил сесть.

Тюремная карета выкатилась из бухты, за ней ушли стражники. Остались потрясенный Ольвин в лодке, Ирис, невозмутимый лодочник и лорд-регент - он стоял на краю причала, глядя на морской горизонт. Его лицо было свободно от повязки:

- Ваша сестра и ее дети здоровы. Вернулись домой.

Ирис закрыла глаза. Волны разбивались о сваи причала. Раз, два, три...

- Вас с Ольвином отвезут в порт и посадят на корабль. В лодке багаж. В кошельке - плата за уроки. В ящике ракушки, в футляре свирель. Что-нибудь еще?

Она молчала.

- Ирис, вы меня слышите?

– Странно, – сказала она. – Вы произносите мое имя... правильно. Только вы... и Ольвин.

– Честно говоря, – сказал он, помолчав, – я предпочел бы встретиться с вами в других обстоятельствах. В другой... реальности. Жаль.

Он кивнул, указывая на лодку:

– Пора.

– Пожалуйста, скажите Ференцу, что я не умерла.

– Наоборот. Пусть знает, что вас казнили.

– Это... немилосердно.

– Разумеется. Музыка никого не делает милосердным, я ошибался, и это к лучшему. Империи нужен такой правитель – именно такой. Ради нашей родины, ради Каменного Леса; он ведь в вас влюбился, Ирис. И он вами пожертвовал. Я горжусь собой как воспитателем.

– Да чтоб ты сдох!

– Принято. Но не завтра. Он слишком молод, его надо многому научить.

Она сделала шаг и оступилась. Он моментально оказался рядом. Поймал и не позволил упасть. Поддержал и повел к лодке.

– Из развалин встанут новые города. На улицы выйдут достойные счастливые люди. Каменный Лес будет процветать, потому что для императора долг превыше любви. Я хотел для него другой судьбы... но долг превыше.

– Не выйдут достойные и счастливые, – сказала Ирис. – Не будет ни достоинства, ни счастья, пока у вас в центре города прокопченный котел!

– А это мы посмотрим, – сказал он почти беспечно.

Лодка раскачивалась. Ольвин стоял, балансируя, подняв руки, готовый поймать Ирис.

Она повисла на локте лорда-регента:

- Откуда вы знаете, что сестра и дети...

- Поверьте, им больше ничего не угрожает. - Он помог ей спуститься в лодку. Ольвин, с растерянным виноватым лицом, подхватил Ирис и обнял, помог усесться, накинул на плечи одеяло.

- Эрно, - сказала она и наконец-то заплакала. - Будьте прокляты. Я не хочу жить в мире, где существует крик медузы.

- Другого мира нет, - сказал он глухо. - Счастливого пути.

Солнечный круг

Пролог

Девушка танцевала в круге солнца. Платаны на бульварах, брусчатка на площади, здание университета и машины на воздушных трассах были свидетелями этого танца. Только что прошел дождь, лужи сверкали под новым небом, босая девушка в легком платье танцевала свободу и каникулы, нежность и бесстрашие, она танцевала себя и любовь, и ей было плевать на чужие взгляды.

Вокруг останавливались люди, прояснялись глаза, светлели озабоченные лица. Собралась небольшая толпа, и никто не смотрел осуждающе.

Молодой скульптор стоял среди прочих, задержав дыхание, уже зная, что для него наступил момент истины. А когда танец закончился, он выбрался из толпы и ушел к себе в мастерскую. Без эскизов, без черновых слепков, без отдыха

и еды он работал много дней, и девушка появилась на свет заново.

Старый ваятель, наставник скульптора, долго смотрел на нее. Потом положил руку на плечо молодого: «Теперь ты один из нас».

Девушка танцевала на постаменте, оставаясь неподвижной, и казалось, от нее исходит видимый свет.

* * *

В лесу пахло железом, туманом и гнилью. Деревья стояли пригнувшись, растопырив ветки, будто готовые сцепиться в драке и вогнать друг другу топор под корень. Небо трещало разрядами: рядом висела аномалия, глушила сигнал. Стрелка компаса вертелась, как шпион на допросе, то и дело меняя показания.

Почуввав запах дыма, Кайра пошла по нему, как ищейка, и скоро вышла на опушку. Совсем рядом, ниже по склону, дымил печами живой поселок: развалин мало, огороды ухожены, громоотводы в рабочем состоянии. Люди ухитряются выживать в любой дыре, в любой щели, в нескольких километрах от фронта; впрочем, какие же это люди. Это наверняка гиены. Мирные, цивилизные... гиены.

Кайра мысленно оглядела себя: фенотипически не то северянка, не то южанка, важное преимущество при ее профессии. Волосы вьются, как у всех соплеменников, но на голове плотная бандана. Кожа умеренно смуглая, одежда гражданская. Говор южан она отлично умеет имитировать. Легенда? Ездил в воинскую часть проведать брата. Сломался вездеход. Убедительно?

Молния ударила в дерево на опушке, в десяти шагах от Кайры. Завыл огонь, полетели во все стороны пылающие ветки, зашипела трава, и Кайра приняла решение. В свете горящей сосны она спрятала под камень сумку с документами и личным оружием. Огляделась, запоминая приметы. В глубоких лужах отражалось злобное, в сетке разрядов, небо.

* * *

Донес хозяин дома, или соседка, или оба вместе. Кайра недооценила их, суетливых, гостеприимных, попеременно жалующихся на аномалии, дороги и негодный ассортимент автолавки. Выдал ли ее акцент или упрямое нежелание снимать бандану, или ее рассказу не поверили, но, когда Кайра открыла глаза, над ней стояли двое – поросшие щетиной, с красными злыми глазами, с автоматами, небрежно перекинутыми через плечо.

– Вставай, овца. Приехали.

Было уже светло. Аномалия не то сдвинулась к востоку, не то ослабела – небо трещало, как синтетическая майка, противно, но не опасно. Кайра споткнулась на пороге; вокруг дома, приютившего ее, собрались зеваки. Ей посчастливилось стать местной знаменитостью: все селенье сбежалось, три поколения, как на праздник. Старшие глядели с удовлетворением, младшие – со злорадством, и ненависть, ненависть висела в воздухе, густая, как холодное мясное желе.

– Овцемордая, – негромко сказал кто-то. – Смотрите, дети, вот это – враг!

– Овцемордая!

О забор ударился камень, брошенный не меткой, трусливой рукой. «Идиоты, – подумала Кайра. – Я ведь запомнила ваш поселок. Я вернусь сюда со штурмовым отрядом, и будет весело, но не вам».

Не выказывая ни злости, ни страха, она зашагала через двор под конвоем. Что ей могут вменить, кроме очевидной принадлежности к ее народу? Шпионка? Первым делом, но доказательств нет. Ее будут допрашивать, в том числе с пристрастием, но она профессионал и любой допрос выдержит... нет, не любой, но вряд ли они станут подвергать испуганную цивилку процедуре высшей категории. Правильно выстроив линию поведения, она добьется, что следствие прекратят, ее отправят в лагерь для перемещенных лиц, а оттуда она сбежит. Вот и план готов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/marina-i-sergey-dyachenko/solnechnyy-krug>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)